

Гай Юлий Орловский

ФАНТАСТ ГОДА — 2011

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – эрцфюрст
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 34

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3357065

Ричард Длинные Руки – эрцфюрст: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56727-0

Аннотация

Рыцари-крестоносцы на железнодорожных платформах распевают боевой гимн, благородный сэр Ричард ломает голову, как быть с королевством эльфов на его землях, в то время как империя усиливает шпионаж, а маги Юга наносят первый мощный удар.

Возможна ли в условиях военного времени простая человеческая любовь? Все или не все могут короли?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	78
Глава 8	88
Глава 9	100
Глава 10	112
Глава 11	123
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – эрцфюрст

Часть первая

Глава 1

Со стороны городских ворот торжественно прозвучали войсковые трубы, а через пару минут донесся грозный цокот стальных подков по булыжнику. На площадь выметнулся отряд разноцветных всадников на рослых конях под цветными попонами.

У садовых ворот остановились, я видел с балкона, как стражи торопливо и даже угодливо распахнули створки, и вот они, сперва на рысях, а потом шагом, двинулись по широкой аллее к дворцу.

Во дворце на всех верандах и балконах женский визг и давка, головы высовываются из окон, а самые предусмотрительные из придворных заранее выбежали в сад и, выстроившись по обе стороны аллеи, ликующе кричат славу победителям и бросают под конские копыта цветы.

Во главе отряда трое высших лордов, участвовавших в гандерсгеймской войне: граф Ришар, теперь уже герцог и фюрст, и два суверенных властелина полунезависимых частей Сен-Мари: Брабанта и Ундерлендов, благородные герцоги Ульрих Ундерлендский и Готфрид Брабантский.

Кони под ними великанские, прекрасные по своей породе, с огненными глазами и пышными гривами, могучие тела укрыты пышными ярко-красными и оранжевыми попонами в крупную клетку, а оба герцога выглядят исполненными благородства и значительности.

За ними красиво и с достоинством держатся в седлах полководцы, военачальники и знатные лорды, среди них я заметил и старых друзей по армландским приключениям: сэр Ульрих Росбент, уже не виконт, а барон, хорош хищной ястребиной красотой, даже в этот торжественный момент все посматривает по сторонам, ерзает, для него все происходит слишком медленно, ну чего эти черепахи ползут...

Конь под ним непростой, поговаривают, не уступит моему в скачке. Сам Ульрих в тех же доспехах из поразившего меня странно переливающегося металла, словно из жидкого льда, в них отражается то солнце, то знамена, то просвечивает вязаная рубашка.

Рядом с ними Герцлер, у которого дивный меч, ночью полыхающий жарким огнем, и сэр Палант, известный своими рыцарскими сапогами, в которых по любому болоту, как посуху!

Отдельной группой во главе турнедских военачальников гордо и с вновь завоеванным достоинством держатся полководцы Турнедо: стальграф Филипп Мансфельд, бывший командующий первой ударной армией, и его боевой друг и соратник рейнграф Чарльз Мандершайд, что командовал и пока еще командует второй армией уже несуществующего Турнедо. Оба за бесценную помощь получили от меня титулы лордов и земли в Гандерсгейме, что должно прибавить всем турнедцам неистовой жажды служить этому новому сюзерену, Ричарду Завоевателю.

А позади всех на красивом, но под простой попоной коне держится застенчиво военачальник, который, будучи простым рыцарем, изо всех сил защищал мне спину в Каталандском турнире, принимал удары, не отвлекался на добычу и не хватал пленных, понимая, что если паду я – проиграем бой все. Простым десятником я его назначил в день, когда везли от Барбароссы Беатрису, но затем он показал себя настолько талантливым вожаком и так отличился в битвах, что теперь уже граф, к чему никак не привыкнет...

На ступени дворца вышли в парадных одеждах, при золотых цепях и всех регалиях Альбрехт, Растер, Фортескью, де Брюс, ряд высших лордов королевства, даже бесцветный Куно Крумпфельд, хоть и держится позади всех.

Я не сошел, а красиво и картинно сбежал по беломраморным ступенькам, улыбка уже на лице, руки распахнуты так широко, словно обнимаю весь мир.

Герои победной войны покидают седла медленно, это не просто приезд, а торжественная церемония, любая спешка неуместна и даже оскорбительна.

Едва я приблизился, Ришар и оба герцога сделали движение преклонить колена.

Я весело рявкнул:

– Нет-нет!.. Это мы и все жители королевства должны преклониться перед доблестными победителями, завоевавшими грозный Гандерсгейм, что грозил полным истреблением всего Сен-Мари!.. Слава героям!

Со всех сторон, с балконов дворца и окон раздались радостные вопли:

– Героям слава!

– Ура!

– Да здравствует!

– Ура, ура!..

Я обнял Ришара, Ульриха и Готфрида, не делая различий, хотя Готфрид смотрит на меня настороженно и с недоверием, слишком много в моих действиях непонятного.

Подошли Митчелл, Будакер и другие рыцари, выказавшие доблесть и отвагу, я обнял их так же сердечно, потом обнимал и поздравлял других, подталкивал в сторону дворца и передавал в объятия других вельмож.

Последнему сказал строго и с укором:

– Макс, ты чего прячешься?..

Он подошел торопливо, весь застеснявшись и даже поро-

зовев узким удлинённым лицом, все никак не огрубеет, а я с удовольствием посмотрел в его чистые синие глаза и на красиво очерченные губы. Уши тоже удлинённые и заострённые, но не слишком, это он весь удлинённый и заострённый.

– Ваше высочество, – сказал он.

Я обнял его и шепнул в ухо:

– И не вздумай уваливать от общего пира! Видишь, как внимательно рассматривают тебя с балконов девушки?

Он жутко покраснел, от пылающих щек краска растеклась по всему лицу, даже на лоб и щеки, а от кончиков ушей можно зажигать свечи.

– Ваше высочество, – сказал он с упреком.

– Садись ко мне поближе, – сказал я строго. – Вообще-то я сам прослежу.

– Ваше высочество, – повторил он совсем жалобно.

Уловив мой кивок, приблизился сэръ Жерар, даже сейчас угрюмый и молчаливый, до предела сдержанный и расчетливый в каждом жесте и слове.

Я кивнул на Макса.

– Этого, – сказал я строго, – хоть связанным и на цепи, но на пир доставить! Надеюсь, у вас уже есть список приглашенных?

Сэръ Жерар проговорил сдержанно:

– Да... но... вы еще не просмотрели, кого вы по своей бесконечной милости изволите...

– Список на стол, – велел я, – посмотрю и подпишу. Хо-

тя какой список? Всех военачальников, кто вернулся из Гандерсгейма! Без разделения на благородных и не совсем.

Он спросил тихонько:

– А новых?

– И новых, – сказал сердито. – Вы что же, думаете, стальграф и рейнграф, что спасли Геннегау от пиратов, менее достойны почетных мест на пиру? К тому же Турнедо – теперь часть нашего королевства.

Он спросил тихо:

– Какого?

Я посмотрел на него строго.

– Нашего, сэра Жерар. Нашего.

Он наклонил голову, избегая моего пронизывающего взгляда.

– Ах да, простите, ваше высочество.

– Подумаю, – отрезал я. – Через час созвете в моем приемном кабинете Тайный Совет Лордов. Кроме старых членов еще и обоих турнедских, а также Макса.

Он вздохнул.

– А сэра Максимилиана не рано ли?

– Сэр Жерар, – сказал я строго, – я знаю, что делаю.

Он ушел, стараясь понять логику, хотя здесь логикой и не пахнет. Мне Макс и ему подобные нужны вовсе не для того, чтобы советовали что-то мудрое, но это пока не собираюсь раскрывать даже самым близким, пусть ищут логику, пусть, я весь такой загадочный, я весь такой задумчивый.

Граф де Бюэй, теперь еще и герцог Магенбрукский, остановился и ждал меня, красивый и взбодрившийся от общего внимания.

Я сказал праздничным голосом:

– В чем дело, герцог? На вашем челе видны следы забот!

Он скупо улыбнулся.

– А когда они нас покидают? Ваше высочество, я хочу представить вам одного из лучших героев нашего воинства... я так говорю, чтобы не умалить заслуги других, но сам я считаю, что в действительности именно он лучший.

Я проследил, как он повернулся в сторону толпы оруженосцев, что, не доверяя дворцовым слугам, сами ведут коней своих господ в сторону конюшни.

Оттуда вышел и направился в нашу сторону громадный рыцарь в настолько посеченных доспехах, что о них можно сдирать мездру со шкур. Даже шлем в десятках крупных зарубин, не считая сотни мелких.

Де Бюэй сказал с удовольствием:

– Ваше высочество, позвольте представить вашему вниманию доблестного сэра Вильярда!..

Вильярд преклонил колено и склонил голову в выражении полной покорности.

– Ваше высочество, – продолжил Ришар, – я еще не видел воина, который дрался бы с такой отвагой, доблестью и ожесточением, как сэр Вильярд! Он совершил столько подвигов, что за ним утвердилась слава как лучшего меча нашего вой-

ска, так и умелого командира. Я дал ему полк, он повел его на племя мергелей, почему-то он их особенно стремился побить, и разгромил в двух боях наголову, а затем захватил город Шальксбург, что пользовался их покровительством.

– Королевство Шальксберг, – поправил я. – Теперь уже, конечно, упраздненное. Прекрасно...

Я сделал знак сэру Жерару. Тот все понял, сделал вид, что вынимает из воздуха и разворачивает свернутый в трубочку лист бумаги, раскрутил так красиво и торжественно, что я почти увидел испещренную печатями грамоту, медленно и важно взглянул на меня, затем на Вильярда.

– По милостивому соизволению его светлости Ричарда, – начал читать он возвышенно, словно сообщает о сотворении мира, – вам, сэр Вильярд, жалуются титул графа с бывшими землями мергелей, а также их городом Шальксбергом... что теперь уже и так ваш.

Он отцепил от пояса изукрашенный лучшими мастерами Геннегау кинжал, я заказал таких сотню, передал мне, а я обеими руками протянул его Вильярду.

Он принял так же молча, поклонился и прямо взглянул мне в глаза.

– Ваше высочество...

– Граф Иронфорест, – сказал я.

Ришар сделал ему знак, чтобы догонял соратников, входящих во дворец, повернулся ко мне, лицо несколько удивленное.

– Вы очень быстро принимаете решения, – сказал он. – Или что-то уже о нем слышали?

– Я сюзерен, – сообщил я, уклоняясь от прямого ответа. – Я должен все решать быстро и точно.

Он поклонился, все понял, отступил на шаг.

– Буду счастлив увидеть вас, сэр Ричард, на пиру во главе стола!

– Созерцать, – поправил я строго.

Он ответил с поклоном:

– Простите, созерцать.

– Посозерцаете, – пообещал я и повернулся к сэру Жерару. Неподвижный и по обыкновению мрачный, стоит на том же месте, где я его оставил. – Сэр Жерар, вы меня пугаете.

– Ваше высочество?

Я спросил с подозрением:

– Как вы все так точно поняли? Или я во сне разговариваю, а вы под кроватью записываете?

Он проговорил мрачно:

– Я так понял по словам графа... герцога, что этот рыцарь почему-то стремился разбить именно мергелей и захватить Шальксберг. И, уже зная некоторые ваши движения, предположил...

– Где-то я прокалываюсь, – проворчал я. – Надо брать уроки физиогномистики. Ну, а вас, прежде чем отправить на виселицу за такую опасную проницательность, надо повысить... в другом смысле. Что вы лично предпочитаете боль-

ше, гофмейстера или гофмаршала?

– Гофмейстерину, – сообщил он, даже не поведя бровью, словно и это предвидел.

– Это леди Кельструду?

– Леди Матфриду, – уточнил он с легким упреком.

– Ох, простите, леди Кельструда в самом деле больше на любителя, а вы человек без вывертов, как и я. Так как насчет придворного титула?

Он сдержанно усмехнулся:

– Тогда уж обер-форшнейдер.

– Так это же на чин ниже, – напомнил я.

– Зато какие перспективы, – сказал он почти мечтательно. – Главный разрезатель кушаний... Это же я могу пожрать самое лакомое, а остатки вам на стол...

– Тогда нет, – отрезал я. – На такую должность нужен человек с большим желудком и плохим аппетитом. Или чтоб разрезали при мне!

Он подумал, подвигал кожей на лбу, поинтересовался осторожно:

– Если уж затевать столь нужные реформы, то во дворце нужны и свои, армландские, вельможи. Кого намереваетесь обер-камергером, камергером, обер-гофмейстером, обер-гофмаршалом?..

Я подумал, что-то ничего в голову не лезет путное, а сэр Жерар смотрит с ожиданием, вот я снова в очередной раз выдам мудрый перл, даже перлину.

Основательно поразмыслив, я сказал мудро:

– Вообще-то, я только мимо тут проходил, разве это мое дело? Вот станет герцог Готфрид королем, как почему-то странно так поговаривают в народе лордов, вот он и пусть!.. А я вот не!

– Ваше высочество, – напомнил он, – у вас при дворе фрейлины, пажи, гофмейстер и гофмейстерина, что ими руководят...

– У вас здоровый вкус, – напомнил я с одобрением.

– Ваше высочество.

– Простите, отвлекся, – сказал я виновато, – просто подумал, что вы умеете выбирать женщин.

– ...а также герольдмейстер, – продолжил он строго деловым тоном, словно не слышал, – егермейстер, обер-егермейстер, церемониймейстер, даже обер-церемониймейстер!.. Это, знаете ли, уже указывает на весьма развитую королевскую власть! Причем очень устойчивую.

Я огрызнулся:

– Это недобитые остатки прогнившего режима, не оправдавшего доверия народа и лордов. И не такая уж и устойчивая эта власть, если рухнула от одного дуновения.

– Да уж дунули вы, ваше высочество, – пробормотал он, – в самом деле... весьма. Не только у трех поросят крыша слетела.

– Еще и головы полетят, – пообещал я. – Как гуманист и человеколюбец, я это обещаю!.. За человека в человеке нуж-

но бороться, и совсем неважно, если самого человека придушим в процессе, жертвы неминуемы. Но мы к ним готовы в борьбе за светлое будущее для всего-всего человечества!.. В общем, с придворными должностями стоит поговорить, а с государственными можно и прямо сейчас...

Он поклонился.

– Начнете с канцлера? Или с грёфе?

– То есть, – пробормотал я, – сверху или снизу по лестнице?.. Сначала составьте список наиболее подходящих кандидатов, учитывая и вернувшихся из Гандерсгейма.

– А оставшихся там?

Я кивнул.

– Спасибо, я о них помню. Всех командиров, оставленных начальниками гарнизонов, назначить сенешалями. Пусть каждый возглавляет свой сенешальский округ уже не только как захватчик, но и как глава административного судебного округа. Судить и вешать имеет право по своему усмотрению, а мы будем периодически проверять, чтобы количество повешенных по ошибке не зашкаливало за допустимый уровень.

Он поинтересовался:

– А какой допустимый?

Я поморщился.

– Ну что вы такой мелочный? Понятно же, в Гандерсгейме разрешено бесчинств и эксцессов больше, чем в Геннегау. Со стороны властей, естественно. Более того, в разных

частях Гандерсгейма разная шкала... Потом, со временем, выработаем четкие нормы, а пока главное – поддержание порядка, мира и гуманизма. Не мелочитесь, сэр Жерар, не мелочитесь!

– Понял, – сказал он покорно. – А командиров отрядов назначить шерифами, бейлифами и просто бальи?

– Точно, – одобрил я.

– Все будет сделано, – ответил он, посмотрел в сторону, охнул и сказал испуганно: – Мне надо бежать, выше высочество! Столько работы, столько работы...

Глава 2

Я повернулся, в сад въехала группа отставших героев Гандерсгейма, один из них лихо соскочил и направился к нам, высокий, широкий в плечах и удивительно тонкий в поясе, мелкаячеистая кольчуга туго облегает тело, опускаясь до середины бедер, щегольские брюки и сапоги тонкой выделки...

– Боудеррия, – выдохнул я.

Она преклонила передо мной колено, я поднял ее и обнял, даже под кольчугой чувствуя ее твердые, как отполированные до блеска наросты дуба, груди.

– Ваше высочество, – проговорила она почтительно, но глаза смеются, в них те же дерзкие огни, а чувственный рот растягивается до ушей. – Ваше высочество!

Я снял с ее головы шлем и передал в руки оруженосцу, а она потрянула головой, и пышная, как конский хвост, грива таких же толстых и жестких волос, метнувшись черной молнией, свободно заструилась по плечам и спине.

Она всматривалась в меня смеющимися глазами.

– Ваше высочество, – повторила она, вслушиваясь в звучание титула, – а не наносит ли это ущерб вашему престижу...

Я прервал:

– Мы завоеватели, помнишь? Это значит, мы диктуем правила и моду. Потом, конечно, сен-маринскость всех нас

подомнет как более развитая социальная структура, но пока...

– А ваши лорды?

– Мои лорды относятся ко мне, – сказал я с гордостью, – по-прежнему, как к вождю и военному лидеру, а не к государю. Сен-маринцы в ужасе, глядя – как они подшучивают надо мной и как держатся бесцеремонно. То же самое, кстати, распространяется и на тебя. Я государь для покоренных!.. Ну, еще мои армландцы мне кланяются и зовут пышно в присутствии посторонних, дабы не умалять и не подавать дурного примера...

– Понятно.

Я обнял ее за талию, с удовольствием чувствуя, что, несмотря на тугие мышцы, это все-таки нечто женское, увлек в сторону дворца. Она пошла рядом, стараясь попадать мне в шаг.

– Боудеррия, – сказал я, – у нас с Вильярдом отношения все еще чуточку натянутые, я не рискнул спрашивать, как там у него дела.

– С Алонсией? – спросила она.

– Ну, и с нею тоже.

Она насмешливо сощурилась.

– Все еще жалеете, что ускользнула?

– Как можно, – испугался я. – Разве с тобой какая женщина сравнится?

В дверях слуги посмотрели на нее оторопело, потом на

меня, поспешно распахнули перед нами створки.

Она хмыкнула.

– Алонсия таскалась за ним всюду и видела все его битвы. Даже дважды пришлось драться, когда к нашему лагерю прорывались враги... Но когда захватили Шальксберг, Вильярд оставил ее там под охраной из десятка воинов, а сам продолжил воевать, пока труп последнего варвара не сбросили в море.

Я сказал довольноно:

– Отлично. Вильярд вернется к ней из Геннегау с хорошими новостями. Здесь никто не знает, что он сын плотника и крестьянки... а если и узнают, то что? Уже граф. С огромнейшим поместьем, даже город есть... А дети будут потомственными дворянами... Ну, а что ты? Почему не осталась с Алонсией?

Она пожала плечами.

– А зачем?.. Раньше она была одинокой и беззащитной, а теперь Вильярд не дает на нее и пылинке упасть. А замок охраняют воины, что считают его своим господином. Сам город, кстати, хоть и варварский, но богатый.

– Значит, – сказал я, – ты решила оставить там службу.

Она помолчала, затем посмотрела мне в глаза твердым взглядом.

– Да.

– Правильный выбор, – сказал я.

– Правда?

– Еще бы, – подтвердил я. – Все, что мне на пользу, правильное. Все, что на пользу другим – неверный выбор, такого товарища нужно деликатно поправить. Если не поймет, можно неделикатно.

– Это как? – спросила она. – Молотом по голове?

– Или головой о молот, – ответил я. – Как гуманист, я всегда даю себе возможность выбора. Не всегда же казнить, можно просто повесить... В общем, ты моя гостья, ходи, присматривайся, а когда что-то надумаешь, только скажи. Жаль, что я совсем погряз в политике и хозяйствовании, а то бы мы с тобой тут всю посуду побили... Но, увы, погряз!

Она покачала головой.

– Не представляю. И надолго?

– Навечно, – ответил я грустно. – Правда, завтра утопыаем на справедливую и священную войну, а так все скучный менеджмент. А битвы, сражения, бои, захваты замков, схватки с драконами, ограми, демонами и прочей ерундой... так редко, что и упоминать не стоит.

– Ну да, – сказала она понимающе, – не чаще раза в день?

– Хуже, – ответил я. – Не чаще раза в сутки!

Она фыркнула:

– Как же вы живете в таком тихом болоте?

– Зато я как бы король, – сказал я хвастливо.

– Как бы?

Я кивнул.

– Здесь. А там на севере я фактически король. Здесь же

передаю абсолютную власть демократическим путем на основании строго прозрачных и умело подготовленных выборов, прислушиваясь к народному волеизъявлению высших, средних, полусредних и даже мелких лордов.

Перед дверью главного зала я остановился, поймал взглядом всегда настороженного и взъерошенного барона Эйца, начальника охраны дворца, кивком подозвал ближе.

– Дорогой барон, – сказал я. – Это леди Боудеррия, прекрасная и нежная дама, очень чувственная и чувствительная, поэтому устройте ее при дворце так, чтобы ни в чем не знала неудобств.

Он поклонился, но на Боудеррию поглядывал с недоумением.

– А каковы предпочтения у самой... леди?

Боудеррия буркнула:

– Охапку сена на полу. Но можно и соломы.

Он сказал с облегчением:

– Леди, я с великой радостью подыщу вам самое удобное помещение во дворце. Правда, оно на самом верху, это шестой этаж, но, думаю, для вас не составит труда вылезти в окно и спуститься по стене.

Она взглянула на него с подозрением.

– С чего мне в окно?

Он пробормотал:

– Ну, так почему-то почудилось... Вдруг ночью станет скучно, восхочется побродить по темным улицам... А такие

мечи, как у вас, уже однажды видел... Да и ваше знакомство с его высочеством говорит в пользу такой дикой идеи...

– Гм, – проговорила Боудеррия задумчиво, – значит, вот такая у сэра Ричарда репутация... Надо от вас обоих держаться подальше.

– А не поздно? – спросил я и, притянув ее к себе, звонко поцеловал в губы. – Дорогой барон, покажите нашей валькирии ее апартаменты. Но не увлекайтесь!

– Не рискну, – пообещал он.

При дворце приют нашли немногие из прибывших героев, остальных придворные торопливо расхватывают, уговаривая остановиться у них. Я отнесся к такой стихийной инициативе благосклонно, пусть разбирают по домам. Хотя дворец состоит из ряда зданий, но и они не резиновые, хотя управителям различными службами при дворе велел угождать полководцам так же, как и мне.

У себя в кабинете разложил карту, с возвращением огромной армии забот прибавится, надо подумать, как и что, пока есть время до неизбежного пира.

Четверть армии оставлена в Гандерсгейме. Еще во время боевых действий я велел на всякий случай укрепить сторожевые башни на побережье, выстроить если не систему обороны, то хотя бы систему оповещения, но три четверти здесь... гм... в Сен-Мари они совсем ни к чему.

– Сэр Жерар! – произнес я громко, не поднимая головы

от бумаг.

Сэр Жерар теперь трудится в соседней комнате, дверь в которую всегда широко распахнута, он появился на пороге через пару секунд и замер, внимательный и почтительный, однако и гордый, словно на днях заваливший дракона.

– Ваше высочество?

– Куно ко мне, – велел я. – А пока установить численность и состав вернувшихся войск, разбавить их новобранцами... хотя нет, это в те две армии, что готовлю к броску на север. В общем, влить этих ветеранов, соблюдая пропорции...

– Будет сделано, ваше высочество. Что-то еще?

– Ты это не забудь сделать.

Он поклонился, пряча улыбку. Обычно я обращаюсь вежливо на «вы», но когда в хорошем расположении духа и доволен, то вот так по-дружески, что приятно, но и ответственно, друзья должны понимать с полуслова и делать больше, чем я велел.

Куно явился через несколько минут, трудился он тут же при дворце на первом этаже, где у него целый штат сотрудников, я не успел разобраться с бумагами, как на пороге появился сэр Жерар.

– Барон Крупфельд, ваше высочество.

Куно переступил порог, все такой же высокий и худой, но всегда старающийся казаться поменьше ростом и незаметнее, что ему прекрасно удается, весь серый, начиная от одежды и башмаков, серолицый и серогубый, даже вместо

рта ровная и невзрачная щель.

Пожалуй, самый успешный из тех, кто остался после Кейдана, в прошлом его личный советник, заведовал постелью, королевскими соколами и кухней. Сейчас фактически руководит всеми хозяйственными делами, но старается одеваться так же незаметно, как и раньше, даже взгляд прежний, оловянный, без выражения, что вообще-то, как теперь понимаю, для царедворца немаловажно.

Он поклонился и застыл, страхась побеспокоить сюзерена.

– Куно, – сказал я, не поднимая головы.

– Ваше высочество, – ответил он ровным голосом.

– Куно, – повторил я, – ты заметил, что прибыл народ из Гандерсгейма?

– Да, ваше высочество, – ответил он почтительно. – Как-то... да, заметил.

– Что думаешь?

– Надо устраивать, – сообщил он. – Иначе пойдут драки, дебоши, поединки... Слишком много свободного... в смысле, ничем не занятого люда в столице – плохо. Временами даже опасно.

– Верно мыслишь, – одобрил я.

– Спасибо, ваше высочество.

– Потому, – сказал я, – подготовь все необходимое для переправки их в северные королевства.

– В Армландию? Турнедо?

– Еще дальше, – ответил я таинственно и мрачно. – На ловлю счастья и чинов, в Варт Генц и Скарлянды. Но сперва отбери для аппарата наиболее смышленных, активных и умеющих работать, а не только красиво и отважно проливать благородную кровь. Как свою, так и чужую. Среди военных такие тоже есть. Они как раз самые лучшие работники, понимаешь?

Он произнес бесцветно:

– Да, ваше высочество. Умные и военные – это прекрасное сочетание для идеального работника. Только очень редкая порода.

Я хлопнул себя по лбу.

– Ах да, давно пора создать отдельное министерство по внешним связям...

– Ваше высочество?

– У Кейдана же был орган, – сказал я, – для контактов с другими странами?.. Орган – это такое ведомство. Ах да, это я сам туплю, какие тут связи, понятно же. В общем, с появлением Тоннеля изнеженной изоляции королевству пришел конец, пришло время полной и разнузданной демократии и, хуже того, гуманизма. К нам постоянно засылают шпионов, а мы пока в этом благородном и нужном для страны и свобод личности деле не преуспели.

Он ответил тихо:

– У вашего высочества просто руки не дошли.

– Не оправдывай, – сказал я строго. – Это мой промах и

моя ошибка! Хоть и мелкая. Но в нашем деле мелких как бы нет вовсе! Потому надо их наверстывать. И углублять. Расширяя. В общем, подбери людей, которые будут отслеживать все изменения в соседних королевствах.

– Создадим Корпус Шпионов?

– Да, – согласился я, – только назовем его министерством иностранных дел. Как везде и делается. В нем будут шпионы под прикрытием, а голых будем засылать в те закрытые регионы, куда прикрытых не пускают.

Он смотрел пытливо, взгляд ничего не выражает, только на лице предельное внимание.

– Будет исполнено, ваше высочество. На какой день предложить вам кандидатуры?

Я изумился:

– Знаешь, я сетую на кадровый голод, а у тебя людей как будто избыток!.. Завтра сможешь?

Он поклонился.

– Смогу, но не всех. Есть, что живут далеко за городом.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда через три? Или четыре?

– В четыре уложимся, – ответил он. – Прикажете подобрать для них здание в городе?

– Да, – сказал я. – Прикажу. Считаю, уже приказал. И натаскать в него всякое, что понадобится для полезной обществу, хоть и тайной, работы. И пусть начинают сразу. А ты за ними присматривай. Я, конечно, тоже буду. За тобой тоже.

– На должность министра по делам других королевств, –

сказал он, – кандидатура уже есть.

– Кто?

– Вы его знаете, – ответил он ровным голосом. – Опытный дипломат, свою верность вам доказал, разве что нет опыта общения с другими королями, кроме как с Кейданом. Но таких в Сен-Мари вообще нет из-за прежней изоляции королевства.

– Фортескью? – догадался я. – Да, верно, самый подходящий. Он еще в первый день, когда я его увидел, это было в замке герцога Готфрида, а я тогда только баронил, показался мне единственным разумным, здравомыслящим и рассудительным человеком, который наперед просчитывает последствия любого поступка. Как своего, так и чужих. Вы правы, барон! Подготовьте все документы – и мне на подпись.

Он чуть-чуть опустил краешек губы, словно я его обидел, бароном назвал ни за что, хотя он и есть барон.

– Я могу идти, ваше высочество?

– Да, – разрешил я, – но не слишком далеко. Вечером пир в честь возвращения героев.

– Ваше высочество?

– Увильнуть и не думай, – предупредил я. – Будет расценено как неуважение. Чтобы пил, улыбался, кланялся, говорил комплименты, снова улыбался, как дурак, произносил тосты...

Он спросил с тоскливым вздохом:

– А можно без тостов?

Я вздохнул.

– Чем ты лучше меня?.. Ладно-ладно, не отвечай, по глазам вижу, что думаешь и что ответишь.

Он спросил ровным голосом:

– Значит, разрешаете?

– За это, – предупредил я, – отработаешь внеурочно. В выходной.

– Спасибо, ваше высочество! Вообще-то я счастлив работать на вас.

– Иди-иди, – сказал я, – хреновый из тебя подхалим.

Глава 3

Зазвонил колокол, я насторожился. Если бы трубы, то, понятно, кто-то из особо знатных лордов, они без этих знаков внимания не могут, сразу чувствуют себя оскорбленными, но чтоб колокола...

Выйдя на балкон, я увидел, как вдали распахнули ажурные ворота из толстых металлических прутьев. Под аркой с гербом короля Кейдана проехала на конях целая процессия, а в середине на смирном муле с торчащими ушами священник в малиновом одеянии служителя церкви высшего ранга.

Я охнул, рассмотрев отца Дитриха, вихрем выбежал из кабинета, пронесся по лестницам и выбежал наружу, когда отцу Дитриху помогали покинуть седло.

Отпихнув слуг, я ухватил его руку, пожал, а затем смиренно поцеловал.

– Отец Дитрих, как я по вам соскучился!.. Ну что там за новости в Риме? Как Ватикан?

Он перекрестил меня, холодок во взгляде растаял, видит же, как я радуюсь ему, как щенок.

– Сын мой, – произнес он сдержанно, – я не знаю, каким путем ты сумел передать в Ватикан свои требования...

– Требования? – изумился я. – Ватикану? Самому папе?.. Отец Дитрих!

Он смотрел пристально, но каким-то образом учуял, что

мое удивление в самом деле искреннее, лицо смягчилось.

– Значит, – произнес он задумчиво, – это инициатива самих кардиналов?.. Гм... Как интересно...

– А что случилось, отец Дитрих? – испуганно спросил я. – Ну что стряслось?

– Меня вызвали в Ватикан, – пояснил он. – Весьма срочно. Пришлось прервать здесь важные дела. Оказалось, конклав решил после долгого совещания и обсуждения моей кандидатуры удостоить меня... сана архиепископа.

Встречающие радостно зашумели, послышались вопли и воплики, что теперь мы еще еще.

– Правда? – воскликнул я ликующе. – Как здорово... Поздравляю! Безумно рад!

Его глаза внимательно изучали мое лицо.

– Ты в самом деле не связывался с Ватиканом?

– Нет!

– Не посылал им гонцов?

– Господи, – сказал я искренне, – я даже не знаю, в какой стороне этот Ватикан!

– И не требовал, – продолжал он неумолимо, – чтобы архиепископом в Сен-Мари назначили меня?

Я замотал головой.

– Отец Дитрих! Вы же знаете меня. Я мог что-то ляпануть сгоряча или по дурости, но не приму ни единого решения насчет вас, если не посоветуюсь с вами лично и не получу полного и ясного одобрения!

Окружающие снова зашумели, мол, их лорд Ричард, такой честный и открытый, без всякой хитрости, с солдатами из одного котла как-то ел, разве такой совет?

Отец Дитрих подумал, кивнул.

– Значит, – проговорил он, – простое совпадение.

– Ну да, – вскрикнул я.

– Гм...

– Отец Дитрих!

– Но не говорит ли это о том, – произнес он медленно, – что ты, сын мой, обладаешь даром предвидения?

– Это не предвидение, – возразил я. – Это ощущение целесообразности. Я чувствовал, что при нашей растущей мощи и разрастающихся территориях должен быть иерарх церкви более высокого ранга, чем аббат или епископ. И не сен-маринским архиепископом будете, дорогой отец Дитрих, а... ну, у вас отныне побольше охват. Считайте своими приходами Армландию, Турнедо, Варт Генц и даже Скарлянды...

Он задумался, я ждал ответа, наконец слабая улыбка проступила на его бледных губах.

– Так вот что имел в виду кардинал Мадзони, – произнес он, – когда обмолвился как бы вскользь насчет распространения очищающей веры на земли, где прошел Карл...

– Вот видите, – воскликнул я. – Они там держат руку на пульсе. И сами поняли необходимость облечь вас более высокими полномочиями. У нас не конфликт с Ватиканом, а полнейшее взаимопонимание! Полнейшее. Не сговариваясь,

действуем одинаково, ибо цель общая. В общем, отдохайте, отец Дитрих, а потом, когда будете готовы, я посвящу вас в некоторые детали насчет укрепления, расширения, упрочения, углубления и возвышения.

Он кивнул, но на губах улыбка почему-то проступила грустная.

– Времени не терял?

– Я не только времени не теряю, – сообщил я. – Надо быть шустрым, пока самого не обшустрили. Отец Дитрих, пришлите ко мне гонца, когда отдохнете.

– А ты, сын мой?

– Я найду время поговорить с вами, – сказал я, – даже если дворец охватит пожаром.

Его увели, уговаривая хорошо отдохнуть с дороги. Я вернулся в кабинет, где сэр Жерар деловито доложил, что трех часов прибывшим из Гандерсгейма хватило, чтобы понять, где будут ночевать сегодня, если сумеют выбраться из-за праздничного стола, а сейчас уже по одному и группами стягиваются во дворец.

Я кисло скривился.

– И что, одевать все регалии?

– Положение обязывает, ваше величество... Можете даже надеть...

– Какое-такое величество?

– Ох, простите, – сказал он подчеркнуто виновато, – что-то я забежал вперед... Ваше высочество!

– Я выше правил и церемоний, – гордо сказал я. – Но на рожон не полезу, одену. И даже надену.

– Спасибо, ваше высочество.

– Пожалуйста, – ответил я сердито. – Придет время, вообще все одежды отменю высочайшим декретом!

– Ваше высочество?

– Вы против Библии? – спросил я с угрозой. – Адам и Ева ходили голыми, как и повелел Господь! Одежда – это следствие грехопадения, но и его когда-то преодолеем в годы полного расцвета демократии и гуманизма.

– Как скажете, ваше вели... ох, ваше высочество.

– Как и скажу, – буркнул я грозно и подвигал бровями. – Лорды на заседание Тайного Совета как?

– Собрались, ваше высочество.

– Все?

– Почти, ваше высочество.

– Хорошо, – сказал я милостиво, – идите. Шкуру сдеру позже.

После его ухода я привел в порядок те бумаги, что успел проверить, покинул кабинет и, пройдя по коридору личных апартаментов, остановился, чтобы посмотреть через окошко сверху, как в том небольшом зале, убранном со сдержанной пышностью, собираются лорды в уже расширенном составе: старые – бароны Альбрехт Гуммельсберг и Фортескью, первый держится сдержанно, однако по-свойски, второй уже не мнется, привык, как и барон Торрекс Эйц. С достоинством

вошел и сразу сел за стол отец Тибериус, настоятель цистеррианского монастыря.

Отдельной группой держатся земляные магнаты, чьи владения и по отдельности превосходили земли короля Кейдана, а сейчас превосходят мои – верховный лорд Джералд Бренан, Джеймс Гарфильд, лорд Уильям Дэвэнант и лорд Томас Фуллер...

Справа от моего трона барон Альбрехт и барон Эйц, неизменный сэр Растер, сэр Жерар, это как бы понятно, старые и преданные соратники, немного неловко чувствуют себя в столь высоком собрании барон де Брюс и трое командиров, которых Ришар прислал еще до высадки пиратов, хотя все четверо уже не первый раз здесь...

Отец Стоундерий, строитель башен в порту, сидит с очень озабоченным лицом, он добавочно опекает теперь еще и учебные лагеря, в которых молодых парней, массами прибывающих из вербовочных пунктов Турнедо, Варт Генца и Скарляндов, обучают обращению с оружием, ходьбе строем и умению сражаться плечом к плечу с себе подобными и во взаимодействии с конницей, лучниками, копейщиками, ратниками.

После ремонта башен оставшись на какое-то время без работы, он настойчиво прививает рекрутам мысль, что для Господа нет турнедцев, вартгенцев или скарляндцев, все мы – христиане, что значит – единый народ, и здесь сплавляемся по воле Господа в то, что угодно Творцу, что он и хочет

от нас.

Я вошел быстро и упруго, сюзерен должен каждым жестом демонстрировать силу, энергию и жизнестойкость, все-таки в человеческом обществе сильна эта доминантная черта. В прежние времена теряющих силы вождей вообще убивали и съедали, а сейчас делается хоть все то же самое, но чуточку завуалированное.

Они все встали, если кто успел сесть, склонили головы в почтительном поклоне и стояли так, не двигаясь, пока я шел к своему месту во главе стола.

Я опустил в кресло, оно с по-королевски высокой спинкой, оглядел всех и сказал отрывисто:

– Прошу садиться!.. Сэр Жерар, прочтите мой последний указ.

Сэр Жерар развернул трубочку из бумаги и, держа ее на вытянутых руках, сказал громко:

– По милости его высочества лорда Ричарда и с его высокого изъявления в Совет Лордов вводятся за особые заслуги стальграф Филипп Мансфельд, рейнграф Чарльз Мандершайд и граф Максимилиан фон Брандесгерт!

Я видел недовольную гримаску на лице лорда Томаса Фуллера, одного из самых могущественных лордов королевства, беспокойство в глазах верховного лорда Джеральда Бренана и тень неудовольствия Уильяма Дэвэнанта.

Прирожденные политики, что позволило им достичь богатства и могущества в королевстве Кейдана, они сразу ощу-

тили и то, что я ввожу незнатных, обязанных лично мне и потому преданных, и то, что время выбрано самое удачное, кто посмеет возразить против чествования героев?

Все верно, я как бы не знаю, чем еще наградить и чем ублажить вернувшихся, так это расценивают в стране, а то, что заодно ослабляю роли магнатов и усиливаю свой командный голос, это вроде случайно.

Все трое удостоенных встали и кланялись мне и аплодирующим присутствующим, но я жестом остановил изъявление восторгов.

– Тихо-тихо, у нас рабочее заседание, а поздравить успеете вечером на пиру. Сэр Куно, докладывайте.

На этот раз поморщился только лорд Фуллер, остальные из его группы приняли как должное, что человек низкого звания отчитывается, все-таки управлять не дело лордов, их дело царствовать.

Куно поднялся, еще больше тихий, безликий, такому только тосты провозглашать громовым голосом.

– Нами, – проговорил он бесцветным, как дистиллированная вода, голосом, – спущено двенадцать больших кораблей. Трое из них уже вышли из бухты и осторожно маневрируют... не слишком отдаляясь от берега.

– Под всеми парусами? – спросил я.

– Нет, – ответил он.

– Парусину не подвезли?

Он ответил с поклоном:

– С парусиной задержек нет, ваше высочество. Но обучение идет трудно.

– Ладно, – сказал я нетерпеливо, – если зайца бить, как сказал сэр Чехонтэ, косой научится костер разжигать. Что с остальными?

Он ответил с поклоном:

– Пока что обучаются работе с парусами и такелажем. Ведутся работы по отбору из лучших рекрутов в будущие экипажи. Жалованье им положено вдвое больше, чем тяжелым пехотинцам.

Я кивнул.

– Хорошо. Но мало. И медленно! Нужно постараться изыскать места для добавочных доков.

Он поклонился.

– Да, но...

Я прервал:

– Если думаете, что двенадцать кораблей – много, то скажу вам, и двенадцати сотен будет не хватать, увидите!.. Что с железной дорогой?

– От Тоннеля, – сказал Куно, – протянута через Тараскон прямо в порт. Заканчиваем строить подъездные пути, чтобы грузы можно было сразу на борт.

– Оставьте, – велел я, – с этими мелочами управятся сами тарасконцы. Они заинтересованы! Ветку железной дороги нужно спешно и даже срочно тянуть в северном направлении.

– В Армландию? – спросил он.

– Через Армландию, – поправил я.

– В Турнедо?

Я кивнул и ответил с крохотной заминкой, которую Куно однако понял, единственный из всех собравшихся:

– Да. В Турнедо.

Он поклонился и продолжил:

– Казна получила на возросшей торговле с севером почти втрое больше, чем в прошлом году, а год только начался. Предполагается, что объем будет возрастать и дальше, так как в товарооборот включаются все больше северных стран.

Я зыркнул на лица магнатов, на них довольство, они выиграли на открытии Тоннеля больше всех, первыми послали через него целые караваны с неведомыми на севере морскими раковинами, жемчугом и прочими драгоценностями, прекрасными доспехами и оружием, редкими тканями, доказав тем самым, что самыми богатыми они стали не случайно.

Лорды слушают меня внимательно, иногда тихонько переговариваются, не отводя от меня взглядов, только двое турнедцев держатся скованно, ни один из них даже бровью не шелохнет, слушают не просто внимательно, а буквально ловят каждое слово на лету.

К ним я присматривался недолго, еще в Турнедо навел о них справки, вздохнул с облегчением и помянул добрым словом Гельдерберга.

Он, как и я, старался выдвигать на высокие должности наиболее талантливых военачальников из незнатных и небогатых, обходя, даже несправедливо, могущественных лордов. У тех и так слишком много власти, к тому же богаче самого Гельдерберга, потому всеми силами приближал к себе тех, кто ему обязан и на кого мог опереться.

После его гибели оба ощутили, что их мир рухнул, но я вовремя подставил плечо, и теперь, чувствуя, они мне верны не меньше, если не больше, чем мои армландцы.

– Спасибо, Куно, – сказал я, – могло быть и лучше, но все-таки нам есть чем похвастаться. Держава наша крепнет и прирастает землями за Каменным Поясом. Все поют, а кто не поет... тот скоро не только запоет, но и запляшет!.. В этот радостный день не буду вас утомлять долгим заседанием, сэра Растер вон уже зевает, как левиафан, скажу только, что наша звезда только восходит!.. Возрадуйтесь и укрепитесь духом. Мы добились немало, но добьемся большего. А теперь, дорогие друзья, все вниз в парадный зал! Думаю, столы уже накрыты.

Глава 4

Снизу поднимаются плотные, как теплая вода, бодрящие ароматы жареного мяса с яичницей, лорды засопели, будто вепри при виде дубовой рощи с желудями на поляне, кое-кто непроизвольно ускорил шаг.

Гурьбой спустившись по лестнице, мы дальше шли по широкой дорожке из красного, как пролитая кровь, бархата к гостеприимно распахнутым дверям, где по обе стороны изящно разодетые горнисты красиво вскинули трубы и, прижавшись губами к мундштукам, издали ликующий праздничный вопль серебра и меди.

Я хотел было на правах хозяина пропустить вперед гостей, но не поймут, здесь даже друзья расценят как слабость, и прошел через зал между накрытыми столами важный и надутый, как породистый индюк, за которым семенит целая стая индюшек.

Моря огня в зале, люстры зажжены, светильники на стенах и в проемах окон, а также на всех столах, зажатые там блюдами с целиком жареными кабанами, оленями, лебедями, гусями и мелкой птицей...

Мой стол, как всегда, на возвышении, а скатертью покрыт не белой, как у всех, а пурпурной, словно кардинальская мантия. Я прошел и неспешно сел, хотя трусливая душа интеллигента умоляла ускорить шаг и всадить свою задницу в

кресло побыстрее, чтобы не заставляя ждать столько важных и достойных людей, половина из которых старше меня вдвое, а кто-то и втрое.

Вельможи качнулись разом и начали рассаживаться. Я с доброй улыбкой милостивого государя, у которого все хорошо и все поют, смотрю, как идет к моему столу граф, нет, уже герцог Ришар, строгий и прямой, как сосна, с пышной седой гривой, весь налитый силой и страстью, мужественно красивый, лицо в шрамах, но те только подчеркивают благородство его внешности.

Ришар де Бюэй, герой битвы при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Проливе и всех войн королевства с соседями, а теперь еще и сокрушитель грозного Гандерсгейма, герцог и фюрст, получивший от меня эту провинцию в управление... именно так, а не в собственность, как бывало в старину, которую я тихой сапой удавливаю, а то, что выживет, веду недрогнувшей рукой в светлое и тревожное будущее.

Я с улыбкой указал ему на кресло от меня по правую руку, слева усадил герцога Ульриха Ундерлендского, а следом за ним – герцога Готфрида.

Ульрих попытался поменяться с ним местами, но я придержал за руку.

– Нет.

– Ваше высочество?

– Дорогой друг, – шепнул я, – вы уже не просто герцог. И даже не герой войны, которых здесь полный зал.

– Да, ваше высочество?

– Вы глава ордена, – напомнил я. – А ваш друг герцог Готфрид... будет всего лишь королем.

Он сдержанно улыбнулся, польщенный, но все-таки, похоже, счел шуткой.

– Как скажете, ваше высочество. Я просто полагал, что отцу пристойнее быть рядом.

Я ответил также шепотом:

– Нет. Пусть все видят, что герцог Готфрид идет к престолу сам. Так же уверенно, как шел к нему в Фоссано.

Он умолк на мгновение, отвел взгляд.

– Простите, ваше высочество, но то была последняя отчаянная попытка возродить орден Марешаля хоть где-нибудь. Для этого пришлось на время вступить в союз с такими силами, которые и поминать вслух не принято...

Я кивком подозвал слугу.

– Нaley нам. Старое забыто, строим новый мир. Дорогой герцог, мы растем и крепнем, наши ряды расширяются вместе с ростом нашего могущества! Сегодня в него добавляются на постоянной основе рейнграф Чарльз Мандершайд и стальграф Филипп Мансфельд, их заслуги вы уже знаете.

– И очень ценю, – ответил он.

– Вы были правы, – сказал я, – стараясь начать распространение устава и нравов ордена Марешаля с северных земель. Теперь мы так и делаем. Надеюсь, ваши люди уже основали первые ячейки ордена...

Гости уже расселись и смотрят в мою сторону с ожиданием. Я поднялся, величавый и весьма, картинно улыбнулся, показывая белые зубы, красиво взял кубок и поднял его выше головы.

– Это наш общий праздник, – сказал я праздничным голосом. – Это наша общая победа!.. Герои Гандерсгейма окончательно ликвидировали угрозу в той провинции, что отныне и навсегда лишь часть королевства Сен-Мари, а здесь местные войска героически сражались с несметными полчищами, высадившимися с моря!.. Должен заметить, что нашлись герои, что ухитрились стать ими дважды: сперва спасли своим появлением Тараскон и Геннегау, а затем быстрым маршем отправились в Гандерсгейм и там с ходу ударили по армии варваров!

Я кивнул Ришару, тот красиво поднялся, величественный и настолько весь исполненный достоинства, что мне таким никогда не стать, пусть даже буду кривляться перед зеркалом тысячу лет.

– Подтверждаю, – сказал он весело. – Вообще-то я все подтверждаю, что скажет его высочество... попробуй не подтверди!.. но рейнграф Чарльз и стальграф Филипп в самом деле привели великолепные армии, что ударили с ходу и с такой яростью, что мне такой боевой азарт видеть приходилось редко!

Он с улыбкой поклонился в сторону турнедских военачальников, те смущались, даже краснели, а лорды и вельмо-

жи и все остальные знатные рыцари, как за столом, так и те, кому места не хватило, поощряюще заорали.

Я сел, продолжая улыбаться, через час-другой уже морда заболит от таких титанических усилий. Это со стороны я отдыхаю и наслаждаюсь, но какой отдых, когда главный организатор здесь я, а это значит – за всеми присматриваю. А напряжение может оставить, только когда все это кончится, но и потом буду перебирать кто что сказал, как сказал, куда посмотрел и почему так странно улыбнулся...

Это пир мужчин, потому громкий, бестолковый, многие часто покидают свои места, чтобы навестить друзей за другими столами, ходят с кубками по залу и, столкнувшись с кем-то, часто опрокидывают на него или себя вино, гогочут мощно и раскованно.

Женщины, впрочем, тоже есть, некоторые лорды заблаговременно привезли дочерей, пусть покажут свою скромность и обаяние молодым рыцарям, что в милости у короля.

Я сделал вид, что нужно отлучиться по делу крайне важному, даже неотложному, а за моим столом остались четверо герцогов: Ульрих, Готфрид, Фуланд и Ришар, а за соседним – могущественные лорды Сен-Мари в лице Рюккерта, Лотце, Бренана, Гарфильда, Дэвэнанта, Фуллера, а также моих военачальников – Арчибальда, Зольмса, Рейнфельса...

В соседнем зале группа музыкантов настраивает инструменты, а дворцовый бард Велазарий, изнеженный красавец с женским лицом и длинными волосами, звучно шлепает гу-

бами, держа в руке листок с криво накарябанными нотными значками.

– Молодец, – сказал я поощрительно. – Творить всегда, творить везде – до дней последних донца! Творить – и никаких гвоздей!.. Смотрю вон на тебя и понимаю, можешь поднимать священную ярость масс, а какой хреню занимаешься?

– Ваше высочество?

Я сказал с великой благосклонностью человека к муравью:

– Я тут для тебя пестню придумал. Здорово? Ладно, не благодари... Сам знаю, что дар мой неоценим.

Он прошептал в священном ужасе:

– Ваше высочество...

– Да понял, – сказал я успокаивающе, – понял, разбейся в лепешку из-за неистовых благодарностей. Мы же общее дело делаем, зовем и даже призываем зычно народ на великую стройку!.. Да, Царство Небесное уже начали, можно сказать... Правда, пока только рушим старое здание прогнившего мира, потом будем расчищать площадку под Здание Всеобщей Справедливости. Пестня будет походная и как бы боевая. Ты таких еще не писал?..

Он проблеял пугливо:

– Не-е-ет...

– Почему?

– Я больше про любов...

Я сказал трубно:

– Ничего, считай себя мобилизованным от лица народного энтузиазма. Сначала о Родине, потом о себе, понял?

Он вздрогнул, сказал пугливо, чуть не плача:

– Как не понять...

– Вот, – сказал я, – слушай слова. Начинаем так: ой на горе, ой на горе жнецы жнут, а под горою рыцари идут... ну вообще-то не идут, а едут на конях, но можно и идут, если понятно, что едут... Ну что, все ясно и зримо, как водопровод, сработанный еще рабами Рима?.. Слушай дальше: попэрэду герцог Готфрид, попэрэду герцог Готфрид...

Он спросил робко:

– А что такое «попэрэду»?

– Впереди, – сердито сказал я, – непонятно разве? Это на древнем священном языке укров, что дали начало всем людям на свете. Адам и Ева были украми, понятно?.. Древность вообще освящает!

– Что... освящает?

– Все, – отрезал я, – все освящает! Древние камни нам дороги, хотя это всего лишь простые булыжники, как древние слова и законы... Ну ладно, если непонятно, можно заменить на понятное «впереди», «во главе» или «в авангарде победоносной армии, сокрушившей твердыни варваров»... Что, аллитерации нет? Подгонишь, ты же поэт, сам хозяин словам, а не они твои владыки. Берем дальше: победитель варваров, покоритель Гендерсгейма...

Он взмолился:

– Ваше высочество, это же ни в какую рифму не полезет!

– У мастера все влезет, – отрубил я твердо. – Вот в меня какая только хрень не влезит!.. И даже не влезает. В смысле, влезает. В первую очередь нужен идеологически правильный смысл, а рифма и мелодия потом, это вообще-то устаревшая выдумка, что мелодия кому-то нужна. Я знавал певцов без слуха и голоса, а такие дворцы себе отгрохали!.. И всех баб имели. Ты ж тоже хочешь?.. Ага, глазки заблестели!.. Вот и старайся. Ты прав, что деньги? Главное – бабы. Хотя что мы им без денег?.. Так что старайся. В общем, герцог Готфрид Брабантский должен быть выведен как победитель варваров, что вернул Гандерсгейм в лоно.

– В какое лоно? – спросил он тупо.

Я сказал рассерженно:

– Ты о пестне думай, а то уже вижу, о чем сразу, не снимая лыж! Это они, варвары, накрылись лоном, после чего закономерно исчезли, как вообще-то и правильно, таким туда и дорога.

– Простите, ваше высочество.

– И еще, – напомнил я строго, – надо вскользь упомянуть, что это он, герцог Готфрид Брабантский, в те грозные времена привел войско из далекого Брабанта и ударил варварам в спину, их в спину можно, с дикарями никакого рыцарства, в общем точно спас Геннегау.

– А вы, ваше высочество?

Я сказал твердо:

– Был как бы сбоку.

– Ваше высочество! Все ж видели, не поверят!

– Поверят, – сказал я, – да еще и с удовольствием. Плохому верят всегда охотно и с великой радостью. Еще и другим расскажут. Ладно, я потерплю. Будет он королем, я поднимусь до принца, так что весьма и zelo заинтересован! В общем, герцог – спаситель Отечества, это он освободил Сен-Мари, а потом был инициатором уничтожения грозного могущества варваров на той Малой Земле...

Он вскричал устрaшенно:

– Ваше высочество, это же целая поэма!

– Умей уложить все в песню, – изрек я. – Одному правилу следуй упорно: чтоб словам было тесно, а мыслям просторно... И все влезет. Краткость – сестра таланта, и не всегда теща гонорара. Иди и твори!

Это было настолько похоже на «встань и иди!», что певец вздрогнул, вытянулся, посмотрел на меня вытаращенными глазами и не вышел, а его вынесло, словно сквозняком.

Пир длился всю ночь, но, к счастью, у меня уже достаточно авторитета, а главное – уверенности, что могу отказаться пить со всеми и мир не рухнет. При первой же возможности я воспользовался своим правом «мыслить» и ушел, как объяснил всем, ковать новые победы для нашего священного оружия.

На другой день, еще не просохнув и с мутными глазами,

они дружно, как стоворившись, завели хриплыми пропитыми голосами речь о великом турнире в честь победы.

Я кривился, но подумал, что тогда хоть пир, будь он неладен, закончится, однако сэра Растера гордо сообщил, что пир в честь вернувшихся из Гандерсгейма героев – дело святое, но с ним управятся за три-четыре дня, меньше нельзя – урон престижу победителей, а это недостойно такого великого завоевателя, сокрушителя и разбивателя голов, как сэра Ричард, который с яростно раздувающимися ноздрями и пылающими в гневе очами ломает, рубит и крушит, не разбирая в священном праведном гневе правых и виноватых, ибо виноваты уже тем, что не спрятались в свои жалкие норы...

После пира в честь победителей большой турнир в их же честь, а затем уже завершающий пир, а как же иначе?

– Да, – сказал я обреченно, – перед традицией бессильны даже императоры и сами боги, не то что я, муравей, – да, конечно. А как же!.. Еще бы!.. Ну, это само собой, надо обмыть... Не обмытая победа разве победа?

Растер довольно гудел и потирал лапищи, огромный и массивный, даже на вольных хлебах Геннегау ухитрившийся не разъестся, как иные придворные кабаны. А еще он все также ходит в железе, пугая женщин и местных щеголей устрашающим видом.

– Дорогой сэра Ричард, – гудел он прочувствованно, – вот теперь-то погуляем всласть...

– Еще бы, – сказал я и подумал, что для сэра Растера «по-

гуляем» очень емкое слово, везде гуляет, как за столом, так и в битве, а теперь еще, как поговаривают за его спиной, и по гарпиям, где его принимают, как своего. – Надо, дорогой друг!

– Ох, как вы все правильно говорите...

– Еще бы, – согласился я. – Герои вернулись.

Пир длился не три дня, а целую неделю, так как в последние дни подтянулись младшие командиры, не сумевшие попасть на церемонию открытия.

Я появлялся каждый день, поднимал кубок, провозглашал здравицу, сидел на троне несколько минут, затем исчезал по государственной надобности. Не знаю, чему они улыбались и как истолковали понятие государственной надобности, но я уходил в кабинет и брался за дела, чувствуя, как приближается роковой час икс, когда придется раскрыть все карты как перед чужими, так и перед своими.

Я уже всю зиму трудился в таком темпе, что по эту сторону Хребта и не зима вовсе, не поднимал головы от стола и так упыхивался, что не всегда узнавал вырастающего на пороге сэра Жерара. Абсолютная власть в руках одного человека – нехорошо, но на определенном этапе нет более острой необходимости для выживания государства.

Страны, вставшие на путь свободных выборов правителей, пали под натиском авторитарных соседей, как та же Польша, что была крупнее, населеннее и сильнее России, но там заправляло выборное собрание, где один-единственный

депутат мог сказать «Не позволяю!», и закон не проходил, что привело страну к хаосу.

Демократизация должна идти постепенно и более-менее одновременно во всех королевствах, так что не дам козыря в руки противников и сумею создать мощную боеспособную армию, могучий флот и развитую промышленность.

Всю зиму, почти не появляясь в Турнедо и Варт Генце, я медленно, но шагком за шагком, укреплял свои позиции, что неизбежно должны были ослабеть после окончания войны с Гандерсгеймом. Варваров там наконец не просто покорили, но самых упорных оттеснили к морю, где истребили начисто, не принимая предложений о сдаче, после чего я велел сперва привести эту провинцию к полной покорности, а уж потом две трети победоносного войска вернуть сюда. Третью оставил на кормлении и присмотре, чтобы местные королевства не слишком ворчали о потере своей королевскости.

А еще наконец-то собрал воедино свои сокровища, что хапал в странствиях, для них выделил особую комнату, вход туда только из моего кабинета. На стене повесил мечи: Зеленый, Озерный, Красный, он же Ночной, Травяной и прочие особые, выкованные гномами и чем-то волшебные, на столе разложил Небесные Иглы, Костяные Решетки, Комья Мрака и все то, чем можно подшибить дракона, в ларцы сложил талисманы и амулеты, некоторые весьма громоздкие, чтобы носить постоянно, но особо важные вещицы, как те мелкие кристаллы, из которых можно вырастить даже исполинскую

башню, как получилось у Кадфаэля, постоянно со мной, зашитые в седло Зайчика...

На полу перед дверью нарисовал кроваво-красные линии и сообщил всем, что всякий, ступивший на них или переступивший, будет поражен Божьим Гневом.

Конечно, на всякий случай запоры поставил тоже самые надежные и хитрые, но только выбрать свободное время и разобраться со всем нахапанным так и не удавалось.

К чешуйчатому колечку стараюсь не прибегать, страшно-вато, потому что пронизаемыми становятся не только стены перед тобой, но и камень под ногами. Потому, продавливаясь через препятствие, надо все время шагать так, будто поднимаешься по лестнице, иначе на той стороне окажешься по колено в земле, если не по пояс.

Могу себе представить ужас какого-нибудь дурака, что нечаянно повернул во сне колечко камешком вниз, начал погружаться в кровать, а потом в пол, а очнулся, задыхаясь от нехватки воздуха в полной вязкой тьме на большой глубине.

Глава 5

Внизу гремит пир, доносятся веселые вопли, а я разложил на столе карту и усиленно старался понять, чего же хочу и что тревожит настолько сильно, что иногда бьет дрожь. С соседями все в порядке, и даже если бы явились и били челом... интересно, как это?.. удар лбом в переносицу?.. все равно не приму в свое содружество королевств, нам и так тесно без понаехавших.

У Армландии слева королевство Фоссано с великолепным королем Барбароссой, рядом с ним Турнедо, у которого слева дружественный Шателлен с милым королем-союзником Найтингейлом, справа Мезина и Бурнанды... надо с ними поскорее завязать торговые связи, а то словно медведи в берлоге, нас наверняка побаиваются после разгрома такого мощного военизированного королевства, как Турнедо...

– Сэр Жерар, – позвал я, – вы там еще не заснули?

Он появился мрачный и собранный, взглянул с вопросом в серьезных глазах.

– Ваше высочество?

– Какие, – сказал я отрывисто, – у нас связи с Бурнандами?

И что вообще о них известно?

Он поклонился.

– Прикажете собрать сведения о воинских силах и крепостях?

Я сказал раздраженно:

– Об этом тоже, но мне важнее их привязать к нам торговлей и еще какой-нибудь важной ерундой, что нас не обязывает!

Он пробормотал:

– Это сложнее, но сегодня же отдам все необходимые...

– Не сегодня, – сказал я, – а сейчас, как только выйдете за дверь. Уже полгода Турнедо наш, но все еще нет крепких торговых связей с его соседями?

– Да ваше величество?

– А как же экспансия? – спросил я сердито. – Наш примат духовности и гуманности?

Он поклонился и хотел выйти, как всегда неторопливый и обстоятельный, но я жестом велел ему остаться и снова склонился над картой.

Сложнее дело с Варт Генцем. У него слева Гиксия, Горланд и некие «Заговоренные Земли». На севере королевство Ирам, и только справа дружественные лично мне, но не Варт Генцу, Скарлянды, а еще самым краешком – Бриттия.

– Ладно, – сказал я, – увидим на месте. Лишь бы нас не трогали, а мы сами и цыпленку дорогу уступим.

Он проговорил с неудовольствием победителя:

– Чего мы вдруг стали такими мирными?.. Я, к примеру, не уступлю цыпленку... С чего я ему буду уступать? А там, глядишь, и утенок потребует, а то и воробьенок... Доживем, что будем уступать дорогу даже гусеницам.

Я сказал твердо:

– Будем и гусеницам уступать, лишь бы все было мирно! Это называется политкорректностью и мультикультурностью. Пусть хоть по всему дому гусеницы ползают, а пауки все затянут паутиной, у них своя жизнь, свои ритуалы и своя самобытная культура, еще более древняя, чем у нас, людей и человеков. А если вам какая птичка на голову накакает, то нельзя говорить те гадкие слова, что вы вчера вслух и при дамах, когда вам на шляпу гриф насрал, переев падали! Это у него такая самобытная культура, гораздо древнее, чем наша, а разве мы не преклоняемся перед древностью и традициями?

Он промямлил:

– Ну да, а так же... Еще как... Только я тому грифу из жопы лапы повыдергиваю, если попадетсЯ.

– Грубый вы человек, – сказал я с удовольствием. – Как раз на своем месте и в своем времени!.. Вообще-то эта толерантность как бы в далекой перспективе, а пока да, будем поступать как психически здоровые люди. Будем говорить о миролюбии и политкорректности, хотя мирные мы с соседями потому, что все силы сосредоточиваются на другом направлении.

Он с облегчением перевел дыхание.

– Флот?

Я кивнул.

– И как вы догадались?

– Сам удивляюсь, – пробормотал он. – С вами вообще разучаешься мыслить. Только «ура» и по бабам.

– По каким бабам? – спросил я с досадой. – Уже и забыл, что это. Но все равно обвиняют.

Он фыркнул:

– Другие, наоборот, твердят, что шарахаетесь. И вообще девственник. Так что, сэр Ричард, на всех не угодишь.

– Да я и не угождаю, – сказал я невесело. – Если бы прислушивался, таких бы дров наломал... Но все равно обидно. Художника обидеть может каждый. Такой поэт погибает... Я ж в душе такой тонкий, соплей можно перешибить, но жизнь, увы, заставила нарастить толстую шкуру, а на ней еще и шипы. И бодать первым. А еще и лягаться, как одно сильное и выносливое существо, похожее на большого зайца.

Он сказал с сочувствием:

– У розы тоже шипы.

– Вот-вот, – сказал я. – Я еще та роза. Кстати, Розамунда еще при дворе?

– Уже при дворе, – сообщил он. – Она надолго исчезала. Велите позвать?

Я покачал головой.

– Это будет слишком. Возомнит. Но после отъезда Хорнегильды в самом деле это пустое кресло рядом раздражает. Словно у нас не все дома. Недостает важной штатной единицы.

Он произнес доверительно:

– Осмелюсь подсказать вашему высочеству, что леди Розамунда после обеда прогуливается в саду.

– Чтобы похудеть? – спросил я.

– Не знаю, – сообщил он. – Как и водится ввиду ее ранга, гуляет по центральной аллее.

– Спасибо, – сказал я. – А теперь топайте к себе и подготовьте к вечеру все, что наскребете по сусекам, о наших соседях.

Он удалился, а я занимался делами, пока не слишком привычная к работе голова не начала потрескивать, как молодой лед под тяжелыми копытами.

Видимо, король из меня как бы не совсем, канаву я еще могу себя заставить копать, а вот как только за бумаги, то сразу тупею и смотрю на них, как суслик на бриллианты, не понимая, какой в них толк и зачем все это подписывать.

Через час вообще перестал не то что понимать, но даже улавливать смысл, и, чтобы не подписать случайно указ о собственной казни, могут подсунуть и такое, с усилием отодвинул бумаги, вышел на балкон. Воздух свежий, но не то, а вот если спуститься в сад и протопать по аллее, где простой придворный народ прогуливается и плетет интриги...

Пока не устыдился и не заставил себя вернуться за работу, поспешно вышел, уверяя себя, что вот чуть проветрю мозги и сразу вернусь, у меня же есть все-таки совесть и понимание долга, ага, есть, а как же, в самом деле есть, как бы сам не хихикал, и хотя обычно увиливаю, но все же иногда и застав-

ляю себя вкалывать, да еще так, что сам себе удивляюсь...

Пока спускался по лестницам и двигался через залы, народ везде застывает в поклонах. Отовсюду почтительный шепот: «Ваше высочество», «ваше высочество»...

Красиво изогнулись обер-камергеры и камергеры, они же шамбелланы, обер-гофмейстеры и просто гофмейстеры, форкшнейдеры и прочий придворный люд, что занят вроде бы делом, хоть и не шибко обременительным, но все требует внимания, будь то конторы, домашний быт, конюшни, прислуга и прочее хозяйство двора.

Барон Альбрехт вышел сопроводить, да еще двое дюжих телохранителей двигаются за мной в семи шагах, ближе не подпускаю, но это значит, что между мной и телохранителями не должен появляться никто из посторонних. Впрочем, как будто свой не может пырнуть ножом.

В саду по аллеям разгуливают в основном женщины, все группками, одиночек нет, неприлично. Мне улыбаются, но издали, а если сам прохожу мимо, приседают, выставляя напоказ свои арбузики, яблоки или груши, кто чем богат, только фиги стыдливо прячут, эти особенно целомудренные и стеснительные.

Я поглядывал по сторонам, иногда улыбался и отвечал на поклоны, а барон так и вовсе расшаркивался.

– Твоих рук дело? – спросил я чуть раздраженно.

– Какое? – осведомился он учтиво.

– Это вот, – сказал я и повел дланью. – Скоро совсем будет

как на базаре. Не протолкнуться.

Он сказал с достоинством:

– Ваше высочество, ваш двор все больше привлекает талантливых людей!

– Тогда почему так много женщин?

– Красота, – отпарировал он, – тоже талант.

– Да, – буркнул я. – Особенно с ковшом вина. В крайнем случае, с двумя. Ну, а с тремя так и гарпии весьма даже недурны... наверное. Как думаете?

Он ответил сердито:

– Это вы любите всякое необыкновенное, а я человек устоявшихся вкусов, на гарпий не тянет. Мне если не с вот такими, то уже и не талантлива, а так, с некоторыми нераскрытыми или недоразвитыми способностями.

– И даже вино не помогает?

– Нет, – отрезал он. – Оно мне как раз мешает, если вы понимаете, о чем я.

– Понимаю, – ответил я, – а вот у Антония... нет-нет, не святого, а который влюбился в бабищу, которой было далеко за пятьдесят, все было как раз наоборот. Я ахнул, когда узнал, что Клеопатре тогда было столько, а потом когда прочел, что он почти всегда был пьян...

– Я не бываю пьян, – сказал он уже строже и весь подобрался. – А женщины здесь все, как видите, только талантливые!

– Да они все красивые, – сказал я великодушно. – Некра-

сивых вообще нет. Есть дуры, что не умеют себя подать...

Он раскрыл рот для чего-то ехидного, вижу по роже, но умолк на полуслове, навстречу идут, весело пощечивая, две молодые девушки. Одну, которая почти дюймовочка, но не дюймовочка, узнал сразу, Розамунда, первая из красавиц, избранных лордами играть роль моей спутницы на приемах, блистающая и веселая.

Она сразу одарила нас милой улыбкой, но улыбнулась тихо и скромно, умильные ямочки на щеках стали глубже, а еще добавилась одна на подбородке. Вторая, выше ростом на ладонь, прошелестела нежным голоском «Ваше высочество», и обе одновременно присели, украдкой поглядывая, сильно ли пялимся на их вторичные признаки.

Барон продолжал раскланиваться, затеяв какой-то сложный танец, словно тетерев, что выдывается перед тетеревиной, а тут их даже две, с ума сойти, скорее хватай.

Я кивнул, подумал, что либо мое подсознание проделало какую-то сложную операцию и вывело меня именно в это время, когда, по словам сэра Жерара, здесь прогуливается Розамунда, то ли это я сам дурак, не ведаю, что делаю.

– Леди Розамунда, – произнес я дружелюбно.

Она из низкого приседа ответила скромно:

– Ваше высочество, могу я представить вам свою подругу, леди Кельвинию, урожденную баронессу Медеширскую?

– Еще бы, – ответил я. – Леди Кельвиния?

Она ответила тихо и скромно, не поднимая взгляда:

– Ваше высочество.

– Встаньте, леди, – разрешил я, – и позвольте на вас взглянуть...

Я заметил, что эту Розамунда не назвала лучшей подружкой, как однажды в такой же ситуации представляла леди Анну. Да Кельвиния и не выглядит той, что может быть ей подругой: скромное, но строгое лицо, слишком внимательные глаза, а из нас никто не любит слишком умных, что видят мужчин насквозь, сразу уникальность теряем, несколько высоковаты скулы и запавшие щеки, а пока что в моде пышненькие хохотушки... Впрочем, те будут пользоваться успехом всегда, красиво вырезанный рот, но не бантиком, как считается шиком, а подбородок совсем не по-женски выдается вперед, выказывая силу характера, что совсем уж отпугнет любого мужчину.

– Знаете, – сказал я Розамунде, – проблемы начались с Хорнегильды, которую увез с собой этот чертов Сулливан в качестве добавочного наказания. Я таким образом остался без королевы турнира. Потом были еще две, вы их помните, обе сразу же вышли замуж, и я опять без той, что сидела бы на троне и улыбалась гостям...

Розамунда сдержанно улыбнулась.

– Ваше высочество, если это завуалированное предложение мне сесть в то кресло... я благодарю за честь, но... с превеликим сожалением вынуждена отказаться.

– Почему? – спросил я. – Обида?

Она засмеялась.

– Нет, совсем нет.

– А в чем же дело?

Она посмотрела на меня победно.

– Я тоже выхожу замуж.

– Ох, – сказал я с огорчением, – одни несчастья.

У нее был такой вид, что вот-вот покажет язык и скажет, что дурак, не попользовался, когда было можно, а она такая сладенькая, нежная, чувственная, податливая, готова на все.

– Что делать, – произнесла она легко и лишь чуточку сдвинула плечами. – Все женщины выходят замуж.

– Да уж, – пробормотал я.

– Хотя вообще-то не все, – сказала она неожиданно, – вот Кельвиния собирается в монастырь.

Я обратил взгляд на Кельвинию.

– Леди?

Она ответила тихо:

– Это мужской мир. Грубый и жестокий. Я хочу жить за высокой каменной стеной, отгородившись от всего.

– М-м-м, – сказал я, – желание вообще-то понятное.

Она взглянула на меня несколько удивленно.

– Ваше высочество?

Я сказал с неловкостью и даже некоторым чувством вины:

– Это так, но... на самом деле этот мир ко всем жесток. К мужчинам... даже больше. Мужчины несут на себе весь груз, а женщины, если хотят, иногда подставляют плечо. Я видел,

как женщины управляют даже королевствами, очень успешно, кстати, а уж про управляющих замками и землями так и говорить нечего! Мужья то на войнах, то на турнирах, то у короля при дворце трутся, а жена, не желая давать вороватому управителю расхищать добро, берет все в свои руки... А сколько женщин, что стали, уж простите, но, к счастью, здесь нет вблизи инквизиции, сколько женщин достигло вершин могущества в колдовстве?

Они все трое смотрели на меня в удивлении, даже барон вскинул брови.

Леди Кельвиния сказала мягко:

– Ваше высочество, это для сильных женщин. А я слабая.

– Слабые чаще сильных выказывают силу, – сказал и повернулся к Розамунде. – Когда упорхнете?

Она засмеялась.

– Совсем скоро. Мои родители и родители жениха договариваются о деталях.

– Тогда, – сказал я, – может быть, посидите сегодня? Предстоит прием послов, а мы сейчас заметны... Как я слышал, прибыли даже из королевств, о которых я вообще слыхом не слыхивал!

Она взглянула на подругу.

– Останешься со мной?.. Ваше высочество, мы собирались сегодня же вернуться домой...

– Если леди Кельвиния останется, – предложил я, – то можно послать гонца к вашим родителям с сообщением, что

вы на весьма важном и ответственном правительственном задании.

Розамунда хихикнула.

– Вот удивятся! Кельвиния?

Кельвиния взглянула на меня исподлобья и тихо прошестела:

– Я согласна, ваше высочество.

Глава 6

Вернувшись в свой кабинет, я занимался делами, как же – государственными, у меня все теперь государственное, даже если просто в носу ковыряюсь, это тоже важно, так мозг лучше работает. Ну и что, если я сам сейчас это придумал, стоит сказать только кому, тут же растиражируют и придворные будут на виду у всех усиленно ковыряться в носу обоими пальцами, чтобы показать, как они ценят умственный процесс и как усердствуют на этом нелегком поприще.

Но и, занимаясь государственными, слышал, как в ушах шелестит нежный голос: «Я согласна, ваше высочество». То ли мне чудится, то ли в самом деле вложила в эти простые слова совсем другой смысл, а я вот такой чуткий, сразу выловил и теперь в сомнениях, то ли плюнуть на все и делать то, чего от меня ждут, то ли сделать приятное отцу Дитриху и вообще воздержателям...

Сэр Жерар не заглянул в кабинет, как делает обычно в Саваузи Вайтхолд, а вошел мрачный и по обыкновению угрюмый, посмотрел на меня с вопросом в запавших глазах.

– Ну чего? – спросил я сварливо.

– Пора на прием, ваше высочество.

Я переспросил чуточку ошалело:

– К кому?

– К вам, – уточнил он. – Вы принимаете, ваше высочество.

– Не поздно для приема?

Он покачал головой.

– Не общий, а малый. Только для новых послов.

– А-а-а, – протянул я, – тогда да, пойдём. Розамунда явилась?

Он ответил мрачно:

– Да, но... вы не предупредили...

– И что? – спросил я. – Выгнал?

– Еще и в тюрьму велел отвести, – сообщил он. – До выяснения.

Я махнул рукой и отправился в большой зал приемов, за мной тяжело затопали телохранители.

Еще проходя по узкому коридору к двери, слышал, как по ту сторону шумит человеческое море, подтянул живот, сделал значительное лицо, а церемониймейстер прокричал вдохновенно:

– Его Высочество Ричард!

Молодец, мелькнула у меня мысль, вышколил я их. Никаких длинных титулов.

Слуга распахнул двери, я вошел в зал красивый и подтянутый, молодой и весь брызжащий энергией, готовый в поход на край света хоть сейчас за честью, славой, доблестью и всякой мелочью вроде добычи.

В зале уже стоят приглашенные, приближенные и просто допущенные. Я прошел к возвышению, где два трона, на меньшем сидит милостиво улыбающаяся Розамунда, улыб-

нулась и мне, очень красиво и благосклонно.

Я вознамерился сесть, но задержался и произнес с улыбкой государя-победителя:

– У нас радостное событие: закончена война, что длилась сотню лет! В лоно королевства вернулись Гандерстейм, Брабант, Ундерленды, разве это не счастье? Теперь начинаем бурное и ускоренное мирное строительство! Поздравляю вас всех!

Я сел, в зале кричали «Ура», «Слава», «Виват», «Да здравствует», еще что-то, не разобрал.

Розамунда наклонилась ко мне и шепнула с лукавым видом:

– И что вам сказал ваш секретарь?

Я буркнул:

– Все они быстро соображают, где меня можно обижать. Но и я их насквозь вижу, так что я ему, конечно, не поверил. Ваша была идея?

Она горестно вздохнула.

– Моя... Обычно у меня получалось.

– Я крепкий орешек, – сообщил я с гордостью.

Церемониймейстер провозгласил торжественно:

– Его светлость граф Саксен-Гот, чрезвычайный и доверенный посол королевства Кельтулла!

В зал вошел упитанный господин, одетый ярко и вычурно, розовощекий, хотя и немолод, выглядит приятно и располагающе.

Он поклонился просто и с достоинством, что понравилось, не пытается перенимать моду этого королевства к вычурным прыжкам и ужимкам.

– Граф Саксен-Гот? – произнес я.

Он поднял голову и взглянул живыми веселыми глазами.

– Ваше высочество, я счастлив увидеть воочию человека, о котором говорят так много... Примите дары от Его Величества короля Фердинанда в знак уважения и почтения к вашим великим заслугам.

Я не стал спрашивать, о каких заслугах речь, уже то, что я есть, такое счастье для всех, уже великая заслуга и вообще все хорошее.

По знаку посла подошел его помощник, с поклоном подал ему красивый ларец. Посол открыл и показал мне, не прикасаясь к устроившейся там на красном бархате изящной чаше из голубого кварца, выточенной с дивным умением, а еще в основании ухитрились вкrapить целую россыпь мелких бриллиантов.

– Дивно красиво, – признал я. – Спасибо, я тронут. Очень искусные люди живут у вас, нужно будет с вами установить хорошие торговые связи. Только... где ваше королевство?

Он ответил с вежливой улыбкой:

– Мы располагаемся от вашего Турнедо западнее, между нами четыре королевства.

– Ого!

– Однако, – продолжил он с улыбкой, – весть о ваших по-

двигах докатилась и до наших земель...

– Королевство Кельтулл? – сказал я задумчиво. – Ах да, но там же Долины Скачущего Кота!

Он посмотрел на меня несколько странно, проговорил с запинкой:

– Да... так было... Но вот уже семьсот лет, как там королевство Кельтулл...

Я охнул:

– Правда? Как время летит, как время летит... Ну что ж, добро пожаловать в наш маленький уютный мирок на берегу теплого моря. Полезных ископаемых у нас, к счастью, нет или почти нет, зато море, солнце, можно не думать о зимней одежде и всю жизнь ходить в белых штанах... Вот настроим летних дворцов, будем сдавать в аренду северным королям и очень богатым магнатам... Представляете, там у вас лютая зима, а вы всего лишь проезжаете на эту сторону Великого Хребта, а здесь – чего никак не ожидали! – жаркое лето... Мы собираемся на этом хорошо заработать, так и передайте своему королю и его близким.

Он поклонился.

– Спасибо, обязательно передам.

Отступил, его место сразу же занял высокий худой человек с непроницаемым лицом, настолько сдержанный и церемонный, что вполне мог бы служить дворецким, а то и церемониймейстером.

– Ваше высочество...

Я улыбался, кланялся, сэр Жерар надул, сказав, что будут всего трое новых послов, но вывернется, дескать, в самом деле всего трое новых, а остальные – старые, привычные, но по этикету и они должны раз в год представлять перед мои очи и подтверждать, что да, все по-прежнему, отношения крепнут и развиваются, даже если это не совсем так.

Последним был красивый и надменный вельможа, слишком статный и крепкий для дипломата, я увидел в нем бывалого воина, сменившего рыцарский панцирь на роскошный камзол дипломата.

– Ваше высочество, – сказал он учтиво, – мои поздравления от моего короля в связи с громкими победами! Позвольте преподнести вам в дар от нашего королевства.

Он красиво повел кистью в воздухе, двое слуг торопливо поднесли ему ларец из редких пород дерева. Посол откинул крышку и бережно достал изящный кинжал в дорогих ножнах, отделанных драгоценными камнями.

– Из кузницы гномов нашей страны, – произнес он торжественно, – этот кинжал не сломать, не согнуть. Даже затупить никому не удастся.

– Красивая вещь, – признал я. – Что за королевство, в котором делают такие прекрасные вещи?

– Эбберт, – произнес он громко и торжественно. – Королевство Эбберт, ваше высочество!

Я застыл на миг, затем спросил сдавленным голосом:

– А король там... все еще Харбиндер?

Он ответил со всем почтением:

– Да, король правит сурово и уверенно.

Я покачал головой.

– Я не приму этот дар. А к Харбиндеру скоро приду сам.

Не с кинжалом, а с длинным мечом.

Он отшатнулся.

– Ваше высочество!

Я проговорил медленно, ярость вскипела так моментально, что я едва успевал душиТЬ ее в себе, пока не начали лязгать зубы:

– Это проклятое королевство... будет уничтожено!.. Город Вифли, где все жители отказали в куске хлеба и глотке воды жаждущим странникам, будет стерт с лица Земли! А то проклятое место, где он некогда стоял, будет вспахано и предано проклятию!..

Он побледнел, несмотря на стойкость воина, а я поднялся во весь рост и сказал громовым голосом, раскатившимся по залу и даже коридорам:

– А король Харбиндер не найдет себе убежища не только в Эбберте, но и нигде на белом свете!.. Я сказал!..

Он поклонился и, не смея поднять взгляд, попятился, а там исчез, словно испарился.

Отец Дитрих приблизился ко мне, взял за руку и крепко сжал.

– Сын мой, – сказал он настойчиво, – на тебе лица нет. Господи, да тебя всего колотит! Что вызвало твою ярость?

– Святой отец, – ответил я, дыхание мое вырывается с хрипами, я то и дело останавливался, чтобы ухватить глоток воздуха, – это проклятое королевство, где забыли Господа и нет ни одной церкви... Потом, когда закончим это, я расскажу подробнее.

– Да уже закончилось, – сказал он. – Этот был последним. Сейчас прием плавно переходит в пир и веселье.

– Дальше его ведет леди Розамунда, – сказал я. – Что-то она непривычно тихая.

Леди Розамунда возразила:

– Я все время улыбалась!.. Уже рот болит, от таких усилий морщины могут появиться. Тогда я вам этого не прощу!

– Пойдемте, отец Дитрих, – сказал я. – Леди Розамунда справится.

Мы вышли из зала, телохранители, поймав мой взгляд, встали так, чтобы никто не подходил. Отец Дитрих слушал внимательно о нашей эпопее, когда я отвлекал погоню от настоящего Легельса, и как над нами издевались, преследуя, люди короля Харбиндера.

– Сын мой, – сказал он осторожно, – но если ты в конце пути сумел перебить погоню... ты отомстил?

– При чем тут месть? – проговорил я сиплым от ярости голосом. – Мы ехали через богатый и сытый город Вифли, а там люди наслаждались, видя, как мы и наши кони изнемогаем от голода и жажды! Они закрывали перед нами окна и двери, глумливо хохотали вслед... Это не только по приказу

короля, это их скотская натура требовала поглумиться над теми, кто слабее! Эти люди омерзительны!.. Я их ненавижу!.. Не только король виноват, люди виноваты!

– За то, что выполняли приказ короля?

– За то, – прорычал я люто, – что выполняли с такой радостью и охотой! Только одна женщина передала тайком, чтобы никто не видел, краюху хлеба и кувшин с водой. Она нарушила приказ короля, но подчинилась Богу.

Он сказал с горечью:

– Праведная душа все же нашлась.

– Чтобы спасти город, – сказал я люто, – маловато одного праведника! В Содоме и Гоморре их было больше. Но все равно Господь их не пощадил.

Он сказал с предостережением:

– Сын мой, то Господь!

– А мы, – отрезал я, – его орудия. Как любви, так и возмездия, ибо мы, святой отец, по его образу и подобию, если вы вдруг не знали.

Он скупо улыбнулся, дескать, шуточку оценил.

– Сын мой, – произнес он с мягким предостережением, – но ты, похоже, предпочитаешь быть орудием возмездия.

– Чтобы начать строить, – сказал я резко, – место надо очистить. То же с душами людскими. Не вливают молодое вино в старые мехи. Сперва надо выжечь любую гниль каленым железом! Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, как сказано в Святом Писании, тот станет всем! Уже

знать, на грешной земле, которую мы сделаем праведной!

Он вздохнул.

– Что-то я совсем не гожусь в великие инквизиторы. Меня считали жестоким и непримиримым, но теперь то ли размяк совсем, то ли новое поколение стало жестче.

– Святой отец!

– Ты жил в хорошем мире, – сказал он с грустью. – Тебя там не подвергали унижению, в котором тут почти каждый... потому душа твоя так уязвлена тем случаем.

Я сказал люто:

– Святой отец!.. Должен ли я примириться с миром, где всяк бывает унижен, или же обязан выступить против такого мира?

Он помолчал, затем перекрестил меня и сказал просто:

– Ты не один, сын мой.

Слуга молча внес и расставил на столе поблизости постную еду и кагор, церковное вино, снял нагар со свечи и тихонько вышел.

Я выждал, пока отец Дитрих возьмет чашу, он что-то невесел, сказал ему достаточно твердо:

– На этот раз в моих руках сила. Теперь уже Харбиндер побеждает от меня.

Он тяжело вздохнул, промолчал. Я чувствовал, что священник согласен, хотя пока возразить мне вроде бы нечего, я уверен в правоте, хотя и чувствую, что вроде бы перехлестываю, однако как насчет праведного гнева, он же называ-

ется праведным, хотя и творит жестокости?

– Сын мой, – проговорил он печально, – а личная месть не начинается отвлекать тебя от богоугодных дел?

– От похода на Юг? – спросил я. – Святой отец, флот строится, Ордоньес тщательно отбирает людей в команды, обучает работать с парусами. Потом будет учить ходить под ветром, против ветра, а затем уже сразу десятком кораблей в строю и россыпью... Это займет какое-то время. Но дело не в этом...

– А в чем?

Я сказал медленно:

– Вот уведу я далеко за море самые боеспособные силы... Есть ли гарантия, что здесь не поднимет голову Тьма и не сметет все церкви, не уничтожит все мои начинания?

Он помрачнел.

– У Тьмы слишком много соблазнов, а люди существа слабые... Но что ты задумал?

Я двинул плечами.

– За сравнительно короткий срок нужно укрепить тыл. Отец Дитрих, в моих руках наконец-то огромная армия, обученная и дисциплинированная, которая подчиняется только мне. На этот раз я могу не упрашивать и уговаривать, а просто приказывать.

Он вздохнул.

– Сын мой, это слишком большой соблазн.

– А вы на что? – спросил я. – Господь выше королей, я все

еще в это верю. Мы ведь только-только взяли́сь строить справедливое общество!.. А справедливое – это не обязательно такое, что всем нравится. Такие вообще невозможны в принципе. Если одни горожане одобряют, что городская стража хорошо работает и что улицы освещены, то преступник негодует, да и простой любитель ходить по чужим женам предпочел бы темные улицы.

– Гм...

– Идеальное государство, – сказал я с жаром, – обязано поддерживать порядок в обществе и защищать граждан от насилия извне и преступности изнутри. Стабильность и законность – это первое, что мы должны сделать, а кроме того, создать условия, чтобы каждый человек мог заработать себе и семье на жизнь честным трудом, а самые способные и талантливые могли пробиваться наверх, и никакой лорд не мог бы помешать!..

Он пробормотал с одобрением:

– Прекрасные слова, сын мой. Господь это одобрит.

– Потребуется немалая перестройка мышления, – предупредил я. – Святой отец, церковь должна пахать, как буриданова лошадь! Если низшие слои будут только «за», то лордов сможет приструнить словом только церковь. Я не могу, у меня в руке меч, а вы можете. Потому давайте работать плечо к плечу!

Он посмотрел на меня с ласковой насмешкой.

– Куда уж больше?

– Надо, – сказал я настойчиво. – Все это время я больше ломал, а сейчас будем строить. Аж дух захватывает, как будто в бездну вот так обоими глазами, когда надо бы сперва одним глазом, да и то прищурившись.

Он поднялся, перекрестил меня скупно, но с твердостью во взоре.

– Что ж... неси свой крест.

Глава 7

К Геннегау потянулись со всех сторон желающие побывать на турнире: кто в качестве бойца, кто просто зрителем. Почти все останавливаются за городом, где ставят знатные шатры, а простолюдины устраиваются на постоянных дворах, в такие дни обычно забиты все комнаты, а слуги ночуют на конюшнях и просто у костров.

Первые из прибывших рыцарей затеяли демократические commencailles, когда можно пренебречь строгими правилами официального турнира: вызывать на поединки самых знатных, сражаться любым оружием, драться вдвоем против одного...

Торговцы в радостном оживлении встают раньше всех, грузят товар в повозки и везут за город в места скопления народа.

Место для турнира уже подготавливается, заново строят ряды для зрителей, каждый следующий выше предыдущего, а самые близкие к кромке поля будут сидеть вообще на земле.

Так бы охотно что-нить нужное строили, думал я ревниво, но улыбался и говорил благосклонно, что да, весьма, это будет не просто турнир, а великий, как же, Гандерсгейм наш, знаменательная дата, хотя еще не дата, но будет дата, а пока событие, а мы все участники, будет о чем рассказывать этим,

как их... ах да, внукам...

Ряды сидений делают только с одной стороны, там усядутся и будут озирать все свысока наши знатные. Для них выстроена крытая галерея, чтоб не дуло и не пекло, с той стороны турнирного поля удачно раскинулся высокий пологий холм, идеальное место для размещения зрителей из числа простолюдинов.

Герольды то и дело напоминают, проезжая вдоль шатров прибывших рыцарей, что меч должен быть шириной в четыре пальца или больше, а меньше нельзя, на конце закруглен, чтобы ненароком или нарочком не прошел сквозь щель опущенного забрала, знаем эти ненароком, обе стороны обязательно затупить, рукоять в ширину двух ладоней, не больше...

Я слушал на этот раз внимательно, отныне все погибшие будут на моей совести, потому теперь уже я должен и обязан свести возможность гибели к минимуму. До сих пор не могу забыть героя сражений сэра Клавдия, что погиб на дурацком турнире.

– Сэр Жерар! – крикнул я. – Вы еще не спите?

Послышались его шаги, он появился на пороге, мрачный и сосредоточенный.

– Ваше высочество, – произнес он с достоинством. – Все служащие принаравливаются к вашей манере работы.

– А-а-а, – сказал я, – значит, когда я исчезаю на денек-другой...

– А то и на недельку-другую, – подсказал он.

– ...то вы все тут на ушах ходите?

– Просто отсыпаемся, ваше высочество, – пояснил он мирно. – Сейчас уже полночь, вы не заметили?

Я изумился:

– Правда? Ух ты, никогда бы не подумал!.. Ладно, если так, идите спать.

Он вздохнул.

– Теперь разве засну? Говорите уж, чем решили озадачить.

– Сэр Жерар, – сказал я, – прошу вас войти в состав судей.

Он дернулся.

– Я? Почему я?

– Северянин, – ответил я.

– И... что?

– Когда дело касается чести и морали, – пояснил я, – мы здесь все больше доверяем северянам. Потому вы лично мечи проверите перед схватками.

– Да, но...

– Вы догадываетесь о возможных сюрпризах.

– Ох, боюсь и предполагать, – проговорил он настороженно.

– А еще, – напомнил я, – чтоб все были в красивой припаленной одежде. Вопрос моды и приличия.

– А на самом деле?

– Тогда не спрячут добавочное оружие, – подсказал я. – В

одиноким схваткам, понятно, никто не применит, но когда начнется общая, то в пыли и неразберихе никто и не заметит, как в ход пойдут кинжалы.

– Ваше высочество!

– Здесь южане, – напомнил я. – Они слишком долго обходились без церкви. Мораль у них гибкая, свободная, демократичная, а уж гуманисты такие, что страшно становится!

Он смотрел чуть ошалело, с ожиданием, что я вот расхожусь и скажу, что пошутил, но я покачал головой.

– Вот так, – сказал я невесело. – Думаете, почему я запросил столько священников и начал строить церкви? Это у нас, северян, правило: не имей друзей, которые бы уступали тебе в моральном отношении...

– А здесь?

– Наоборот, – ответил я. – Да-да, не делайте такие глазки. Вы не слышали горделивое выражение сен-маринцев «Вот такое я говно!»?

Он застыл, не веря и не зная, что сказать, затем сказал просительно:

– Может быть, я лучше пойду спать?

– Поздно, – отрезал я обрекающе державным голосом, полным горькой мудрости: – Идите, дорогой армландец. Нам здесь исчо много работы.

Он поклонился, вид у него теперь таков, словно я ему возложил на плечи Великий Хребет и велел отнести на место. Удалился он тяжело и задумчиво, а я вернулся к столу, но

замер над ним, ибо внезапно и очень резко пахнуло холодом.

Я оглянулся в удивлении, с той стороны глухая стена, ни окна, ни двери, только массивные и плотно уложенные глыбы на быстро схватывающемся растворе... и похолодел, стена быстро покрывается крупными каплями влаги, а те замерзают на глазах, превращаются в ледяные потеки. Ледяная корка покрыла стену за считанные секунды и поползла по полу в направлении моего кресла.

Я вскочил, отпрыгнул, а растекающаяся струя захватила ножки стола и стула и, к моему ужасу, начала подниматься по ним вверх. Я с воплем метнулся к двери, та распахнулась с таким грохотом, ударившись о стену, что должна бы разбудить всех на этаже, но Умальд и Йомильд, мои телохранители, бесстыдно спят, опустившись на подгибающихся ногах по стене на пол.

Умальд сжимает в кулаке амулет, явно что-то успел ощутить опасное, но это его не спасло, пятерня Йомильда за пазухой, но и крестик не помог, чертовщина оказалась сильнее, либо не чертовщина, а что-то похуже.

Через дверной проем видно, как дальняя стена начинает деформироваться, по ней сверху прошла волна, словно это не камень, а слабо натянутое полотно, внизу же поднимается, будто восходящее тесто, полупрозрачная слизь...

Я бросился бегом по коридору, у выхода на лестницу похрапывают Хрурт и Переальд. Ступени дважды вздрогнули под моими подошвами, словно сбегая по шкуре некого до-

потопного чудища.

В зале влажно и холодно, словно мы где-то далеко на севере, я затормозил бег, прокричал во весь голос:

– Есть кто живой?..

Издалека донесся раскатистый злобный смех и низкий шипящий голос:

– Есть...

– Кто? – крикнул я.

– Идем к тебе.

Я обернулся, в дверь неуклюже вбежали и быстро пошли в мою сторону люди... нет, не совсем люди, люди не ходят так раскорячисто и вразвалку, но в зеленых лапах держат копыя с длинными блестящими лезвиями.

Это первое, что я рассмотрел, лезвия, а потом понял, что у существ не лица, а морды, широкие и вытянутые вперед. Страх заставил метнуться в дверь напротив, там трое слуг на полу, спят крепко, я будить и не пытался, перепрыгнул и бросился наискось, там еще один небольшой зал, а затем выход в сад...

И поспешно затормозил. Навстречу вошли существа в красных, словно залитых кровью, одеждах, лица скрыты странными капюшонами, что блещут металлом. На уровне глаз у всех одинаковая прорезь забрала, все в плащах, деталей не различить, от макушки и до пола словно бы в этой красной блестящей слизи, и у каждого в руке длинный узкий меч с зеленым просвечивающимся насквозь лезвием.

Они пошли в мою сторону, ступая настолько одинаково, что это не просто в ногу, это одно существо.

Я крикнул:

– Кто вы?.. Что вы хотите?..

Ответа я не ждал, но все они прошипели в один голос:

– Тебя...

Меня пронзил холод, точно не люди, в голосах нет ничего человеческого, круто свернул и, сделав вид, что бегу к вроде бы свободной двери, быстро обогнул, согнувшись до самого пола, чтобы избежать удара.

Один все-таки сделал попытку перехватить, но я увернулся и влетел в дверной проем на скорости. К счастью, там никого, но путь из дворца удлиняется.

Будь здесь окна пошире, попробовал бы через них, а так либо пробираться вниз, либо на крышу, однако перехватить постараются как раз внизу.

В дальнем конце коридора медленно появился человек в черном плаще. Капюшон надвинул на лоб, но видно лицо: бледное, с нездоровой желтизной, злобно сжатый рот и деформированная нижняя челюсть.

Он слегка отвел руки в стороны, ладони начали наливать-ся зеленым светом. Через мгновение там уже бурлило тугое пламя, словно шаровые молнии, рвущиеся на свободу, медленно растут, а он удерживает с явным усилием...

Я успел метнуться к противоположной стене, и ревущее пламя пронеслось мимо, слегка опалив лютым холодом пле-

чо.

– Чтоб ты сдох, – крикнул я в бессилии.

Он пошел прямо на меня, в ладонях снова нарастает свечение, с такого расстояния уже не промахнется.

Я бросился в первую же попавшуюся дверь, проем в этот момент жутко перекосило, я больно ударился плечом, нечто ухватило, как клеем, я рванулся и понесся дальше, чувствуя сильное жжение в теле.

Пол под ногами начал вспучиваться, словно под ним в скоростном режиме растут гигантские шампиньоны, способные сдвигать каменные блоки.

По стене побежали черные тени, однако за ними остаются следы, на деревянных панелях угольно-черные пятна, gobелены некая сила срывает и швыряет на пол, а на камне стен появились грубо вырезанные великанской рукой знаки, странно знакомые, пугающие...

На левой стене возникло светящееся изображение огромного колеса, но не тележного, а словно увеличенное колесико из старинного часового механизма, с такими же зубчиками, дырочкой для оси, а справа и слева еще колеса, поменьше, не такие яркие, а потом еще и еще, вся стена в них...

Я заставил себя сосредоточиться, унял бешено стучащее сердце и перетек в незримника. Почти сразу же следом за мной тяжело вдвинулся в проем, пригнув голову, двуногий зверь, размером с полярного медведя, но в толстой чешуе.

Руки его, толстые и мускулистые, показались похожими

на лапы большой хищной птицы: массивные и покрытые чешуей. Он взревел и протянул ко мне лапы со свирепо длинными жилистыми пальцами, где блестят острые когти с загнутыми кончиками.

Я успел даже рассмотреть в страхе, что пальцев на каждой лапе всего по три, а два по бокам, совсем крохотные рудименты, но в следующее мгновение заорал и отпрыгнул, пригнулся, избегая когтей.

Что-то, мелькнула мысль, мое исчезновение не срабатывает, хотя все верно, это же звери, хоть и люди, а зверей этим не обмануть.

Я метнулся к той двери, что показалась пока свободной, однако в проем навстречу вышел громадный получеловек с иссиня-зеленым лицом и выдвинутым рылом, в темно-желтом плаще и с остроконечным капюшоном, надвинутым на лоб.

– Здесь тебе не пройти, – прошипел он.

В страхе я выдернул меч и ударил с силой в голову врага, но, как и ожидал, полуживое только зарычал, а лезвие ударилось о твердый, как сталь, воздух прямо у его лица.

Его раскинутые руки пошли навстречу друг другу, я отпрыгнул, избегая его когтей. От шипастых ладоней посыпались холодные синие искры.

Я поднырнул, почти на четвереньках побежал под его смертоносной рукой и, вскочив в дверном проеме на ноги, ринулся со всей скоростью, заорав погромче:

– Кто-нибудь жив?

Впереди из каменной стены наполовину выступила огромная отвратительная морда полузверя, зеленая, с багровыми глазами, втрое крупнее человеческой, что-то в ней от древней рептилии, но взгляд жутко осмысленный.

Я на бегу оглянулся, маг двигается за мной, что-то прокричал, в его руках появились нож и чаша. Я содрогнулся, когда он суетливо задрал широкий рукав, полоснул лезвием по руке и подставил чашу. Я пробежал мимо звериной морды, прижимаясь к противоположной стене, за спиной раздался громовой рык. Оглянувшись, я видел, как зверь из стены утробно рычит, глядя на струйку крови.

Маг поднес чашу к его морде, длинный острый язык начал лакать быстро и жадно.

– Повелитель, – прохрипел маг в экстазе, – дай мне мощь сокрушения...

Я помчался дальше, не оборачиваясь и сшибая углы, и едва успел скакнуть вверх на бегу совсем по-заячьи, когда из пола выдвинулась огромная, как ствол дерева, синевато-призрачная рука, кулак просто чудовищен, между пальцев прорывается яркий свет, быстро разжала ладонь, что шире совковой лопаты, крупная, как яблоко, жемчужина залила слепящим огнем коридор.

Глава 8

Я пугливо размазался по стене и пронесся по ней, как лань, уже потом сообразил, что рука предлагала эту жемчужину мне, но пуганая ворона уже на все дует, никому не верю, ага, щас кто-то даст мне такое сокровище, ага, монарх всегда одинок и подозрителен...

Выбежали и загородили дорогу трое в черных плащах и таких же масках, закрывающих лицо, с дикими пугающими узорами. В руках некие ритуальные мечи с рунами на лезвиях от замысловато изогнутых рукоятей и до самых кончиков, черные сапоги с хищно загнутыми носками в виде птичьих клювов.

Я уже не мог остановиться, сзади тоже настигают, заорал дико и ломанулся, как бык через камыш, но в последний момент упал на спину, меня пронесло вперед, сверху просвистели лезвия их мечей, а я рубанул по коленям, дальше вскочил и понесся в сторону спасительного выхода, где должны дежурить у входов уже не телохранители, а дворцовая стража барона Эйца.

Еще дважды навстречу бросались некие чудища, я орал и рубил неистово, все больше зверея от вида пролитой крови. Несколько раз больно рвануло когтями за плечи, одна тварь уцепилась зубами за ногу, я провололок ее с трудом пару шагов, отбиваясь от других, наконец ухитрился рубануть свер-

ху, и на голени осталась только голова, что вскоре расцепила челюсти и упала сзади.

Весь дворец вздрогнул, пол и стены качнулись, как мне показалось, впереди прошла волна, сдвигающая гранитные глыбы, что простояли сотни лет, показалось, что весь мир нарисован на тонкой ткани, дрогнувшей под легким движением воздуха.

Стена медленно пошла обратно, но камни странным образом меняют цвет, коридор стал шире, под ногами вместо тщательно подобранных подогнанных мраморных плиток уже широкие массивные глыбы, как и в стенах. Дворец будто уже не дворец, а старинный замок первопроходцев.

Я в ужасе бежал дальше, не понимая, куда подевалось все прежнее, а из потолка сперва по дороге свешиваются седые космы старой паутины, давно мертвой, затем пошли зеленые и серые пряди мха.

Между глыбами камня внизу высунулись длинные черные стебли странной травы, острые, как ножи. Я на всякий случай перепрыгивал, но дальше их становится все больше, а затем впереди раздался тяжелый топот.

Я замедлил шаг, из-за поворота вышли неторопливо и с аристократической вальяжностью те гиганты в красных плащах, впереди маг в черном.

– Добегался? – спросил он каркающим голосом. – Иди сюда, мышка...

– Или ты сюда, – прохрипел я и выставил перед собой меч.

Он хищно улыбнулся.

– Конечно, приду.

За спиной прогрехотали тяжелые шаги большой группы людей. Из полутьмы коридора вышли те в черных плащах, что гнались за мной. В руках острые копья, нацеленные в мою сторону, и топоры наготове.

Я крикнул затравленно:

– Чего вы хотите?.. Давайте поговорим!

Черный маг в маске сказал тем же каркающим голосом:

– Потом поговорим. С кусками твоего тела.

Я в отчаянной попытке сделать хоть что-то сунул руку в карман, безымянный палец влез в чешуйчатое кольцо, но разогреваться начал мучительно медленно, а по руке жар вообще пошел совсем вяло.

– У меня есть что сказать вам! – крикнул я. – Погодите!

Маг вскинул руку, и все остановились в двух шагах от меня, выставив острые копья в мою сторону.

– Говори, – пригласил он.

– Я могу откупиться, – сказал я. – А у мертвого вы не получите!

– Получим, – заверил он.

– Но эти тайны знаю только я!

– Мы их тоже узнаем, – успокоил он. – Мы знаем, как заставить твою голову разговаривать, даже отрубленную.

Жар и зуд охватили уже все тело, я начал вминаться спиной в стену. Она сопротивлялась, я напирал, наконец сда-

лась, медленно и неохотно пошла расступаться, как вязкая глина.

Маг начал что-то говорить насмешливое, но вдруг насто-рожился, голос его прозвучал уже визгливо и со страхом:

– Он уходит!.. Быстрее убейте!..

Я изо всех сил втискивался спиной, а эти ринулись с обеих сторон, я закричал от острой жгучей боли, когда сразу два длинных и широких наконечника впились в живот и грудь.

Еще несколько клинков и копий вонзились в мое тело, боль казалась невыносимой, но стена приняла, массивная и тяжелая, как могила, я начал задыхаться, уже должен выдвигнуться с другой стороны, но почему-то все в этой же черной вязкой мгле, грудь пытается ходить ходуном, однако не получается, перед глазами уже цветные круги, в ушах звон и грохот...

Я захрипел и вывалился через стену... упал, успев под-ставить руки, и понял, что у самого моего лица блестящая оранжевая плитка, вокруг яркий свет, непривычный запах...

Издали донесся испуганный вскрик. Я повернул голову направо-налево, я в огромном внушающем трепет зале, сте-ны вздымаются, как в храме.

Я только начал подниматься на дрожащих ногах, как со всех сторон набежали рослые стражи в тускло сверкающих бронзовыми кольцами кольчугах, уперли острия копий в бо-ка так, что я страшился вздохнуть.

Точно такие же копейщики загородили дорогу вперед, там

на возвышении вздымается высокая спинка трона, и еще двое загородили дорогу к отступлению.

Трон величественный, что-то в нем эпическое, весь целиком высечен из массивного камня, на нем громадный мужчина с седыми волосами и короткой седой бородой, заплетенной в косички.

Справа и слева двое в темных одеждах до самого пола, типичные советники короля, на меня уставились в величайшем изумлении.

Король, я сразу в этом человеке признал короля, огромен, величественен, его седые усищи ниспадают красиво и важно, где сливаются с бородищей, а красивые серебряные волосы, тоже во множестве мелких косичек, вальяжно лежат на плечах и спине.

Замысловатый обруч странной конструкции, где вместо налобного рубина торчит пук павлиньих перьев, хотя нет, что-то покрасивше, надвинут на лоб по самые брови, мохнатые, кустистые и великолепно черные, просто как смоль черные и блестящие. Глаза смотрят остро, нос прямой и длинный, похож на острие арбалетной стрелы, рот почти скрыт усами и бородой, уж и не знаю, как он находит к нему путь ложкой.

Я тяжело дышал, а человек на троне прогремыхал грозным голосом:

– Кто ты, герд, вторгнувшийся в мои покои?

– Ваше Величество! – вскрикнул я. – Если бы я знал, что

за сила меня сюда выпихнула, будто кота какого, что рыбу спер!.. Сжальтесь и постарайтесь помочь, ибо такому могущественному властелину, кем вы без всякого сомнения являетесь, я ж по глазам и бороде вижу, достойно помогать попавшим в беду!

Он сказал грозно:

– А если ты убийца, сумевший проникнуть через все стражи, запоры и ловушки?

– Ваше Величество! – крикнул я. – Да разве ж так убийцы себя ведут?

Он всмотрелся, сделал знак приблизиться. Советники тут же начали что-то жужжать ему в оба уха, он досадливо отмахнулся.

Явно король, мелькнуло у меня, хотя короны не видно ни на голове, ни на столике. Король по повадкам, по властности взгляда, движений, речи, как и по тому, как гнутся советники, ведь короля играет свита. По ней всегда можно понять, кого окружает.

Он тоже рассматривал меня с подозрением, но и с живейшим интересом.

– Если ты не шпион, – сказал он все так же грозно, – кто ты, герд?

– Ваше Величество будет смеяться, – сказал я, – хотя мне совсем не до смеха...

– Ну?

– Я тоже король, – сказал я жалко, – зовут меня Ричард,

однако я не такой благополучный, как Ваше Величество. Нечто грозное вторглось в мой королевский дворец, гоняло меня, как зайца, било, клевало, топтало и наконец хотело убить, но я как-то вот рванулся и... выпал вот прямо сюда!.. И теперь, ошалелый, даже не представляю, где я, что со мной и как бы мне вернуться!

Он рыкнул уже чуть тише:

– Вернуться? Туда, где на тебя напали?

– Да, – ответил я потерянно, – но там я хоть понимаю, где я. А здесь... Все незнакомое. И вообще... как будто другая эпоха.

Он нахмурился.

– Герд, тебе посчастливилось оказаться при дворе короля Зигмарингена. Это великое Арндское королевство, и я не поверю, что ты о нем не слышал, из какой бы части мира тебя ни занесло...

Я замер, в голове щелкнуло, словно порвалась струна, даже стало больно, затем всплыло все, что слышал.

Я едва-едва проговорил замерзающими губами:

– Арндское?.. Какое... Первое или Второе?

Король нахмурился.

– Что?.. Как это? Ты что говоришь?

Я спросил торопливо:

– Конечно же, я слышал про Арндское королевство!.. Кто о нем не слышал?

– То-то, – прорычал он.

– Только и говорят, – продолжил я льстиво, – Арндское королевство, Арндское королевство... И добавляют: хорошо, как в Арндском королевстве! Или, ах как жить хорошо, словно в Арндском королевстве... при дворе короля... как величают Ваше Величество?

– Зигмаринген, – прорычал он грозно.

– Так и говорят, – сказал я с подъемом, – какой сегодня удачный день, я как в Арндском королевстве побывал!.. Но это простой народ, хотя вообще-то мы все простые... особенно рядом с Вашим Величеством, а вот ученые люди различают Первое Арндское королевство, когда правила династия Кернеллингов, и Второе Арндское, когда воцарилась и долго рулила династия Цибенлингов... Хотя нет, простите великодушно, Ваше Величество, это я сам попутал: Кернеллинги правили Вторым Арндским, а Цибенлинги – Третьим!..

Он медленно багровел, наливался гневом, кулаки стиснулись. К его правому уху наклонился советник и что-то быстро-быстро шептал, указывая на меня взглядом.

Король сдержался, но глаза его метали молнии.

– Я не понимаю, – прорычал он, – что ты говоришь. Ты безумен?

– Ваше Величество! – вскричал я. – Арндское королевство оставило такой глубокий след в истории, что никому не перепрыгнуть, потому все изучают! С эпохи Цибенлингов самое первое называют то Древним, то Изначальным, то

Предвечным... А столицей был прекраснейший город Генлабнае, который много раз бывал разрушен, но всякий раз восстанавливался, а теперь он называется Геннегау, а я имею великое счастье и еще более великую честь быть его правителем... являясь королем Сен-Мари!

Один из советников спустился по двум ступенькам и приблизился ко мне. Стражи расступились, давая ему дорогу. Он вытащил из рукава большой светящийся красным камень, поднес его к моему лбу и долго прислушивался, потом обошел вокруг, я чувствовал прикосновение камня к моему затылку, даже ощутил тычки им в спину.

Я услышал вздох, затем советник вернулся к королю и шепнул на ухо всего одно слово.

Король скривился, уставился на меня злобно.

– Мне сообщили, – буркнул он, – ты не врешь.

Я сказал с ноткой зависти:

– Ваше Величество, как я вам завидую! Мне бы такое устройство, чтобы я видел, кто меня обманывает... Конечно же, я не вру! Как я могу врать, когда не знаю даже, что соvrать такое, чтобы спасти шкуру? В этих случаях надежнее говорить правду!

Он неожиданно коротко усмехнулся, словно дернул губой.

– Да?.. Наверное. Но... что ты тогда говоришь? Арндское королевство всегда было первым и единственным. А город Генлабнае как был столицей еще при моем деде, так им и

остается.

Холодок прокрадывался в меня все сильнее, я спросил похолодевшим голосом:

– Мы... в Генлабнае?

Он сказал нетерпеливо:

– Тебе там еще и по голове стукнули?

Холод начал промораживать мне внутренности, я прошептал в ужасе:

– Тогда меня забросило... на двенадцать тысяч лет в прошлое... Ужас, как же такое возможно...

Он прорычал:

– Что? Какие двенадцать тысяч?

Я сказал торопливо:

– Мудрецы спорят, двенадцать тысяч прошло или двадцать. В древних летописях только эти две цифры, историки разделились на два лагеря, но я принадлежу к первому. Не потому, что историк или что-то знаю, но двадцать тысяч лет – это что-то непостижимо огромное, в голову не влезает! Другое дело – двенадцать, милая такая цифра, это же совсем рядом, легко и представить, и понять, и вообще... Дело ж не в том, что правильно, а в том, что людям больше нравится, в то и верим. Есть идиоты, даже в гороскопы верят!..

Он сидел с выпученными глазами и распахнутым ртом, а советники оживились и суетливо нашептывали ему в оба уха, а он морщился и мотал головой, явно не успевая слушать обоих и тем более не понимая.

– Это невозможно, – проговорил он упавшим голосом, но все еще мощным и тяжелым, – такое никогда еще не случилось... Почему сейчас?

Я развел руками и коснулся копья одного из стражей. Тот сразу отпрыгнул и предостерегающе выставил перед собой блестящее острие, как я понял по цвету, тоже бронзовое.

– Может, – сказал я с надеждой, – это знамение?

– Какое?

– Не знаю, – сказал я. – Связь поколений... преемственность... нить в будущее... никто не забыт, ничто не забыто, всем все припомним, гады...

Он вслушался в мой лепет, рыкнул утомленно:

– Никто не забыт, ничто не забыто... Хорошо сказано!

– Золотые слова, – подхватил я. – Главное, правильные. Мы все-е-е помним! Пусть другие мирятся после войн и даже дружат, торгуют, ездят друг к другу в гости, но мы никому ничего не забудем и не простим, мы такие особенные, будем лелеять злобу и ненависть, ибо это качество настоящих мужчин, что хранят верность заветам предков еще с каменного века, верные идеалам и чаяниям людей того времени!

Он вслушивался, каменное лицо медленно теплело, напряжение потихоньку испаряется из огромного тела, наконец кивнул и сказал уже почти дружеским голосом:

– Да, заветы предков... гм...

– Неуважение к предкам, – сказал я твердо, – есть первый

признак безнравственности! А мы – сама нравственность, потому с кем ссорились наши предки в каменном веке за то, что те у них мамонта перехватили, тем мы и сейчас не простим и будем строить пакости. Это верность идеалам, это следование традициям, это путь настоящих людей, которые слушаются сердца, а не какого-то там непонятного ума...

Глава 9

Он вздохнул, сделал стражам знак вернуться на свои места. Один из советников хлопнул в ладоши, вбежали двое слуг со столом в руках, за ним еще с полдюжины со стульями, быстро поставили все внизу в зале.

Король сошел с трона, высокий и массивный, настоящий правитель, всем своим видом внушающий, окинул меня придирчивым взглядом.

– Садись, – велел он. – Такое без вина вообще понять невозможно. А думать, что делать, так и вообще...

Советники остались на местах, слуги быстро поставили перед нами золотые кубки дивной работы, целое состояние, а через пару минут еще двое прибежали, держа носилки с позолоченными ручками, даже не носилки, а огромный поднос.

Я вздрогнул, на затылке зашевелились волосы. На этом чудовищном подносе истекает кровью торс человека, даже не торс, ноги обрублены по колена, как руки и голова. Грудная клетка вскрыта, мне показалось, что сердце еще бьется.

Слуги, быстро работая длинными ножами, профессионально ловко, не делая ни одного лишнего движения, вскрыли грудную клетку и вытащили еще трепыхающееся сердце, печень, скользкую и покрытую слизью, а также умело и красиво начали срезать мясо с бедер и с треском выламывать

ребра, на которых мяса мало, зато там самое лакомое и ценное знатоками.

Я остекленевшими глазами смотрел, как мне в тарелку шмякнулось такое, еще пульсирующее, не понимающее, что жизнь прекратилась. Кровь потекла через низкий край тарелки, слуга тут же подложил туда толстый валик полотняной салфетки.

Король с задумчивым видом разрезал поданную ему печень, потыкал в середину острием ножа.

– Гебналь, – сказал он с упреком, – а ты говорил, что он уже стар... Видишь, какая печень свежая?

Один из советников сказал почти плачущим голосом:

– Ваше Величество! Токмо великая забота о вашем здоровье дернула меня за язык! Я считаю, что намного полезнее кушать младенцев, у них мясо совсем свежее, сочное, нежное...

Король кивнул.

– Да, конечно... Однако Улангер предатель, а печень изменившего вассала всегда потреблять приятнее... Сэр Ричард, а вы почему не едите?

Я покачал головой.

– Ваше Величество, в сыром мясе бывают глисты! Много. И яйца глистов. А то и бычьи цепни, а они вырастают в два-три ярда в длину!

Он зябко передернул плечами.

– Ужасы какие рассказываете! И как вы справляетесь?

– Жарим, – объяснил я. – Прожариваем так, что никакие глисты не выживут. И яйца тоже погибают.

Он кивнул слуге.

– У сэра Ричарда взять блюдо и поджарить. Да не блюдо, а мясо! С кровью?

Я помотал головой.

– Нет, чтоб была корочка. Так надежнее... А вообще-то мы давно придумали выход из положения.

– Какой? – спросил он с любопытством.

– Мы готовим вот так, – объяснил я. – Смотрите...

Натужившись, я создал перед ним большой ломоть хорошо приготовленного карбоната, потом ветчину, шейку, грудинку, целую гору кровяных колбасок, больших и маленьких, расставил по столу крохотные вазочки с аджикой, чили, васоби, острыми соусами, никогда в жизни я так не старался накрыть стол повкуснее.

Все демократы восторгаются высокой, даже высочайшей, как они утверждают, культурой и цивилизацией ацтеков и майя, но там государственной религией было каннибальство, на праздниках в жертву приносили сотни, а то и тысячи человек, как военнопленных, так и своих соотечественников из бедноты, на кого выпал жребий.

Мясо раздавали бедным, а сердца и печень пожирала знать. Ужаснувшийся этими зверствами благочестивый католик Кортес решил стереть с лица Земли такие мерзости, а теперь его пинают за такое деяние все гуманисты и демо-

краты, а я ж тоже вроде бы гуманист, куда денешься...

Король смотрел на заполняющийся стол выпученными глазами, а советники вообще перестали дышать. Наконец он проговорил с трудом:

– Что... это?

– Все то же самое, – заверил я, – что у вас на тарелке, только после обработки. Карбонат с боков, грудина и шейка – понятно, но после того, как над ними поработали наши повара... У нас народ, наверное, более хилый, чем у вас, потому как сильно страдает от глистов.

Он вздохнул.

– Ну... у нас тоже бывает, но не так уж, чтобы совсем плохо. Притерпелись.

– А мы, увы...

– Хилое потомство?

– Увы, Ваше Величество.

Он принялся.

– Пахнет вкусно...

– Попробуйте, – сказал я. – А это вот специи... Только осторожно, есть весьма жгучие...

Слуга сунулся с кувшином, но я остановил его жестом.

– Ваше Величество, позвольте угостить мне...

Он с великим удовольствием пожирал мясо, что я навалил перед ним, часто обмакивал в соусы, а когда неосторожно зачерпнул размолотый японский хрен, лицо побагровело, глаза полезли на лоб, некоторое время не мог ни вздохнуть,

ни выдохнуть, стражи и советники забеспокоились, наконец он перевел дыхание и сказал с восторгом:

– Никогда такого чуда не пробовал!.. Да, теперь верю, вы от меня на двадцать тысяч лет...

– Не пугайте, – попросил я в ужасе. – Будем считать, всего на двенадцать. Так легче.

В его кубке появилось вино, я постарался создать достаточно сладкое и в то же время крепкое, сам сделал пару глотков, король отпил сперва осторожно, потом рожа расплылась в довольной улыбке.

– Чудесное вино.

– Могу чуть крепче, – предложил я. – Но это уже для мужчин...

Он посмотрел несколько с гневом.

– Что-о? А мы кто?

– Сделать?

– Немедленно!

Я наполнил кубок коньяком, а второй – ромом. Король сперва сделал большой глоток коньяка, как привык потреблять слабое вино, глаза снова полезли на лоб, а когда продохнул, сказал снова с ликованием и завистью:

– Это же надо... Счастливые вы!

– Будущее, – напомнил я. – Счастливое будущее. Все пьют так, что вообще уже не люди, а не знаю что... А здесь все не так. Даже то, что там это случилось в полночь, а здесь ясный день...

Он произнес мудро:

– События случаются тогда, когда им удобнее.

– М-да, – согласился я, – просто у меня ум такой пыльный, даже не понимаю, почему полез в короли, а не стал великим математиком. Хотя это не я полез, это меня полезло. Возможно, сдвинулась земная ось, сместился часовой пояс?..

Он не понял, потрогал ремень на брюхе.

– Какой-какой пояс?

– Или же, – продолжал рассуждать я, – произошел разрыв ткани пространства-времени, а то и вовсе истончилась какая серая струна вблизи сверхмассивной черной... а то и вовсе лопнула, слишком туго растягиваемая галактиками...

– У кого струна, – спросил он, – у парок?

– Да, – сказал я, – у парок. Сидят, дуры, прядут, кто им только и доверил такую важную работу!.. Вроде бы все просто, ума не надо, сиди и пряди, но какая ответственность... Я бы такое даже мойрам не доверил. Ваше Величество, как насчет помощи короля королю? У нас, королев, должна быть солидарность против ленивого и развращенного демократического мира, мы просто обязаны поддерживать друг друга, чтоб не пропасть поодиночке!..

Он пробормотал:

– Но как? Не представляю... Мне кажется, вам нужно смириться и научиться жить здесь.

Один из советников приблизился к его уху, пошептал, ко-

сясь в мою сторону.

Король выслушал, кивнул, советник отступил с поклоном, а король, предварительно отхлебнув из кубка, сказал мне, чуть повеселев:

– Я знаю, что я мудр, но иногда сомневаюсь, все-таки в жизни бывало всякое, но советники говорят, что и сейчас я прав. Ничего не стоит делать, сэръ Ричард!

Я спросил трусливо:

– Почему?

– К вам прислали не убийц с кинжалами в зубах, – сказал он, – и не суккуба в вашу постель.

Я сказал:

– Все это было, и не раз.

Он кивнул.

– Да? Это только подтверждает.

– Что?

– Мудрую мысль...

Я спросил жадно:

– А можно и меня к ней... приобщить?

Он сказал довольно:

– В отношении вас использовали такое мощное заклятие, на которое обычно копят магию несколько лет. Но все равно ее не смогут долго поддерживать. Как только убедятся, что вас не отыскать и что вы сумели улизнуть снова...

Он умолк и посмотрел на меня с живейшим любопытством.

– И что? – спросил я тревожно.

– Все рухнет, – сказал он с удовольствием. – Все кончится.

– Что кончится? – спросил я. – И что произойдет?

Он торопливо ухватил кубок и сделал громадный глоток рома. Лицо посинело, он прохрипел довольноно:

– Все исчезнет... и у меня останется только этот приятный вкус во рту. А вы, сэръ Ричард, увы, рассеетесь в прах, как и это бесподобное вино, что за жалость, почему целых двенадцать тысяч лет... Может быть, как его делать, придумают раньше?

– Может, – сказал я нервно, – все может быть, но не хотелось бы в пыль, я ж только начал создавать та-а-а-кую империю, скажи кому – не поверят, дураки. Да и я временами дурак, сомневаюсь, что получится.

Советники все это время бурно совещались, иногда голоса поднимаются до визга, мне иногда казалось, что вот-вот вцепятся друг в друга, наконец один пристыженно умолк, а второй приблизился к королю.

Тот молча слушал, что тот ему нашептывает, в глазах появилось нечто вроде громадного уважения, когда перевел взгляд на меня.

– Сэръ Ричард, – произнес он, – вы раздражили кого-то очень могущественного. Я уже думал, что таких магов больше нет на свете.

– Спасибо, – сказал я нервно, – вы умеете поддержать добрым словом!

– Да, – согласился он, – я такой. Вы ведь чувствуете гордость, верно? Когда могучий противник, значит, вы тоже чего-то стоите!

– Я бы предпочел вообще без противников, – ответил я. – Ну почему не получать от жизни одни радости, только удовольствие?

Он сказал понимающе:

– А-а-а-а, навоевались уже? Ну, тогда еще больше заслуживаете уважение.

– Спасибо...

– Мои советники говорят, – сообщил он со вкусом, – что определили, как такое случилось у вас там... и как вы сумели провалиться прямо в мой дворец, который там... ваш.

Я вскочил в волнении, едва не опрокинув стол, снова сел, сказал умоляюще:

– Ваше Величество, не тащите... гм... из паука паутину! Скажите!

– Это Серый Морок, – сказал он, – если верить моим мудрецам, но они в последние три года ни разу не ошиблись. И, что самое главное, вроде бы есть способ обезопасить ваш дворец, мой дорогой потомок.

Я снова вскочил, сел, спросил жадно:

– Как?

– Нужно открыть сосуд Небесной Воды, – сообщил он.

– Что это? – спросил я. – У меня ничего подобного нет!

Он кивнул.

– На это явно и рассчитывали. К сожалению, у нас тоже его нет.

Я прошептал:

– Тоже меня задавят...

– Наверняка, – согласился он легко. – Но это жизнь! А у королей она вообще такая... трудная.

К нему приблизился советник и пошептал на ухо. Король выслушал, кивнул.

– Хорошее предложение, – сказал он с одобрением. – Правда, это будет нам стоить недешево. На самом острове, говоришь?

Советник прошептал так тихо, что я едва расслышал:

– На Гремящих Камнях...

– Далековато, – сказал король. – И там нет ни гавани, ни бухт... Корабль разобьется о скалы. Нет, это опасно. Разве что оставить корабли на якорях, а к острову ползти на лодках?.. Там сейчас кто? Не бунтовщики?

Советник прошептал:

– Увы, бунтовщики.

Король сказал расстроено:

– Совсем плохо. Тогда не достать.

Я сказал торопливо:

– Ваше Величество! Разве это не повод одним камнем двух зайцев? Вы заодно и бунт подавите! Зачем вам бунтовщики в королевстве? Нужна только оппозиция, что кричит о правах и свободах, и все видят, что вы гуманный король,

не всех критиканов вешаете. А от настоящих бунтовщиков и другие начнут взбунтовываться. Одна паршивая овца все стадо заразит!.. И шерсть испортит. Такой великий король не может терпеть в своем королевстве бунтовщиков и революционеров, пусть это и на самой далекой окраине!.. Великие империи начинали отгрызать по краям!

Он задумался, его пальцы начали постукивать по столу, словно рвутся с привязи крохотные, но горячие кони.

– Гм, – произнес он задумчиво, – однако же затраты слишком велики. Эти бунтовщики никого не заразят, они оттуда и носа не покажут.

– Безнаказанность бунта, – сказал я жарко, – порождает желание следовать ему!

Он поморщился.

– Да, уже наблюдал.

– Бунт нужно подавить в зародыше, – настойчиво сказал я. – Иначе все окраины будут охвачены мятежом!

– Не всегда, – пробормотал он, – не всегда...

– Но рисковать опасно.

Он кивнул.

– Да, но иногда стоит. Кроме того, не всегда есть смысл посылать войска. Порой проще переманить энергичного вожака к себе на службу, пообещав ему титулы и некоторую власть... Я уже так делал.

– А потом казнить?

Он изумился.

– Зачем? Энергичные люди везде нужны. У меня один из таких и сейчас служит. Весьма успешно.

Я посмотрел на него с уважением.

– Ваше Величество, вы человек мудрый.

Он хмыкнул.

– А дураки на престоле недолго держатся. Но как же вам помочь... Нет, не представляю.

Глава 10

Советники продолжают шушукаться, я поинтересовался у короля, может быть, их тоже угостить, он кивнул, и я сделал для них игристое из винограда. Если здесь не растёт, то будет им загадка...

Они осторожно делали по глотку и надолго задумывались, а я все оглядывался, чувствуя странное узнавание, словно бы такое или нечто такое уже видел, вот эту суровую роскошь стенной росписи, звезды на своде, но недостает... ах да, тех двенадцати кресел, что так поразили, когда видел в первый раз.

– Ваше Величество, – произнес я неуверенным голосом, – а двенадцать тронов повелителей планеты... они как, существуют?

Он вытаращил глаза.

– Что-что?

Я сказал с неловкостью:

– До моей эпохи дошел... в смысле, досуществовал таинственный зал, в котором двенадцать кресел вокруг стола. Одиннадцать, как говорят легенды, занимают великие короли, а двенадцатое – пустое, ибо на него сядет только прямой потомок Древних Королей.

Он некоторое время рассматривал меня в упор.

– Легенды, говоришь?

– Да, – ответил я. – Легенды. Но упорные такие.

Он подумал, сказал после минутного колебания:

– Ну, ты все равно скоро рассыплешься в пыль, тебе можно... В общем, тот тайный зал за той дверью. Хочешь взглянуть? Ладно, пойдем покажу. Если успеем.

С сильно стучащим сердцем я потопал за ним, он распахнул дверь в соседний зал, почти такой же, как и этот, та же роспись на стенах, на потолке звезды, только посреди зала круглый стол, вернее – стол с круглой столешницей, а двенадцать кресел, что как великолепное ожерелье блистают во всем величии, где последнее выше остальных, а на верху спинки зверь из золота, морда оскалена, крылья распростерты.

Я медленно и помимо воли почтительно приблизился к этому трону. В отличие от кресел, троны вообще не бывают одинаковыми. Трон Барбароссы не похож на трон Гиллеберда, Кейдана, Найтингейла, Фарстронга или Шарлегайла, все сделаны не просто индивидуально, а как бы под определенного человека или определенную династию, пусть даже под определенный народ, все разные, но Трон Древних Королей... даже не могу предположить, под кого строили. Целиком из камня, хотя и непонятно, что за порода, огромный, но величие не от размеров, здесь сумели передать пугающую мощь людей того периода, уверенную и безжалостную.

Король обогнул стол с другой стороны, погладил один трон по спине.

– А это вот мой. Но никто из посторонних не видел меня в нем.

– Хорош, – сказал я. – Значит, уже при вас никто не садится на этот особый трон? Который Древний?

Он покачал головой.

– Нет. Он ждет.

Я заметил, что кубок в руке короля уже опустел, быстро сосредоточился и наполнил его ромом. У короля морда хоть уже вся багровая, но с удовольствием заулыбался, приподнял в знак благодарности, отхлебнул и расплылся в счастливой улыбке.

Советников я угостил с разрешения короля еще и коньяком, но они, сказано – мудрецы, не столько пили, как нюхали, катали во рту и все старались понять, как это все происходит.

В какой-то момент раздался пронзительный звон, треск, шипение, словно на раскаленный металл выплеснули бочку воды, однако король, судя по его виду, ничего не услышал, а за его спиной гобелены разом потеряли цвет, стена стала полупрозрачной, а звон в ушах стал громче...

Я вскрикнул в страхе:

– Ваше Величество!

Однако король все так же не слышит, затем словно отдернулся занавес, там ужасающие по громадности красные массы, медленно клубятся, расплываются, поглощают, но я в оцепенении понимал, что это мое сознание не в состоянии

осознать весь ужас Хаоса в его настоящем виде, но что-то на мой запрос дать надо, и вот формирует некие понятные картины.

Я провалился сквозь пол, меня несло, переворачивало, вертело в том, что условно называем пространством-временем, хоть это не так, но с готовыми ярлыками спокойнее, затем со всего размаху шлепнуло, как лягушку, о твердое.

Приподнявшись на дрожащих руках, я ошалело огляделся. Знакомые стены, статуи в проемах, зал моего дворца в Геннегау, только пахнет чем-то непривычным.

Послышались быстрые твердые шаги, человек очень торопится, но старается этого не выказывать, а как бы говорит всем своим видом и даже походкой: все хорошо, все под контролем, все спокойно...

Дверь висит, перекосившись, на одной петле. В проем ловко проскользнул, пригнувшись, барон Эйц, суровое лицо ментально прояснилось.

– Ваше высочество!

– Да, – пробормотал я, – это я, мое высочество... Что тутстряслось?

Он остро всмотрелся в мое лицо.

– А это не вы ночью погуляли?

Я вскрикнул оскорбленно:

– Барон!

– Точно? – переспросил он. – А то на всякий случай, в целях успокоения, я распространил именно эту версию.

– Ну спасибо, – пробормотал я.

– В интересах наведения порядка, – пояснил он. – И поддержания.

– А что вон там за гадостная масса?

Он объяснил с достоинством:

– Это вы наблевали. Так я объяснил для успокоения слуг и придворных.

Я прошептал:

– Ну вы молодец... Главное – работа, верно?

– А что на самом деле? – спросил он. – Я, к примеру, знаю, вы сегодня в своей спальне не ночевали...

– А где? – спросил я хрипло.

Он проговорил многозначительно:

– Да ходят слухи... Уже трое придворных дам подтвердили, что вы были у них. Не прямо, но и не отказываются, только хихикают намекаяще и глазки опускают, как бы стесняются насчет подробностей... Ваше высочество, я должен знать о ваших перемещениях в интересах вашей безопасности! То, что вы натворили, сорвавшись с трудных государственных дел, как-то надо объяснять простыми словами!

Я прохрипел:

– Моих перемещениях?... Да, моих перемещениях... А что это за слизь на стенах?

Он подтянулся, взгляд стал острее.

– Только сейчас увидели? Странно. Официально это вы все облевали после пира.

– Даже на стены?

– Ну, это же вы, ваше высочество, вы все можете... У вас получится, хотя у меня голова раскалывается от этих непонятностей. Началось с полуночи. Весь дворец качало, как камыш на ветру! Что удивительно, ничто не рухнуло, даже ни одна свеча не погасла и не сдвинулась с места! Но через главное здание как будто стадо гигантских улиток размером с коров проползло!.. И рыбой пахнет, чувствуете?

Я оглядывался, пятна слизи не просто пятна, а широкие такие отвратительные лепешки. Эйц не прав, это не только следы от улиток, а больше похоже, что ползли эти твари по потолку, а вниз срывались жирные капли этой мерзко пахнущей слизи.

– И это все я наблевал? – переспросил я.

– Вы, ваше высочество!

– Думаете, поверят?

Он кивнул.

– Конечно. С охотой. Вы же знаете повадки простого человека! Это доброго слова от них не дождешься, а о таком сразу разнесут по всему королевству.

Я вздохнул.

– Что за народ...

Он сказал ободряюще:

– Зато популярность и народная любовь к вам будет еще выше и глыбже. Всяк увидит, что вы такой же, как и они. Король и народ – едины!

– Я не король, – ответил я автоматически.

Через раскрытые двери видно, как в соседнем зале слуги усердно собирают швабрами и совками потеки слизи с пола, спешно отмывают стены.

– А в остальных корпусах?

– Там все нормально, – сообщил он. – О том, что творится здесь, не знают. Я поставил стражу в дверях главного корпуса. Временно. Никто не входит и выходит. Пущен слух, что ищут украденную драгоценность.

– А сколько времени сейчас? – спросил я.

Он напрягся, глаза стали как два острия копий.

– Время к обеду, ваше высочество!

– Как же я ухитрился так крепко заснуть, – пробормотал я.

В зал вбежал барон Альбрехт, бледный и сосредоточенный, издали обменялся понимающим взглядом с Эйцем, тот кивнул и сказал быстро:

– С вашего позволения передаю вас в руки сэра Альбрехта.

Альбрехт подошел быстро, собранный и явно удерживающий взвинченность под строгим контролем.

– Как вы, ваше высочество?

– Терпимо, – буркнул я. – Как здесь?

– У всех трещат головы, – доложил он, – но думают, что это последствия пира. Кое-кто обблевался. Кое-где поднялась была тревога, когда обнаружили трупы каких-то стран-

ных людей, а также явно опасных зверей, но Эйц быстро погасил панику.

Я буркнул:

– Знаю-знаю, как он погасил.

– В интересах дела, – пояснил он с неподвижным лицом. –

Этой отвратительной слизи больше всего залило лестницу.

Первый, кто спросонья ступил на нее, катился до самого низа.

– Так-так...

Он спросил тихо:

– А вы хоть знаете, что творится?

Я буркнул:

– Знаю.

Он вздохнул, воздел очи горе.

– Так и знал, что барон Эйц попал в точку. Ну что за странные развлечения?.. А что людям сказать? Как объяснить?

Я отмахнулся.

– Скажите, сэр Растер после пира выходил проветриться.

– А лестницу обблевал?

– Почему нет? – возразил я. – Блевать – благородное дело.

Значит, хорошо пил! А пить и блевать – признак мужественности и отваги в демократичном обществе.

Он поморщился.

– Ваше высочество, у нас, слава Господу, еще не демократическое, которым нас пугаете до икотки.

Я перекрестился.

Я перекрестился.

Я перекрестился.

Я перекрестился.

Я перекрестился.

– Вы правы, барон. Аминь. Тогда нужно сказать правду.

– Какую именно?

– Выбрать ту, – объяснил я, – что работает на нас. Заокеанская империя нанесла превентивный удар, рассчитывая нас сокрушить, но просчиталась, не предполагая, что мы проявим такую стойкость и с легкостью отшвырнем ее происки своей чистотой, верностью сюзерену и моральной стойкостью, сплотившись вокруг церкви и ее постулатов...

Он перебил:

– А что это?

Я отмахнулся снова.

– Да не знаю, неважно, так все говорят, звучит внушающе. Так что в едином порыве народ сплотился и дал сокрушительный и даже сокрушающий отпор. Теперь враг удирает с перебитыми лапами и прищемленным хвостом, а мы победно и уверенно, с горящим взором и светлыми сердцами...

Он покачал головой.

– Нет, такое даже не выговорю. Этот бред вы сами, ваше высочество, у вас получится, а у меня репутация... А на самом деле что это было?

– Нападение, – сообщил я так же шепотом, – я ж сказал!

– С Юга?

– Конечно, – ответил я. – Наверняка.

Он спросил с подозрением:

– Нет, я спросил не то, что на самом деле, а как на самом-самом деле?

– На самом, – пояснил я, – тоже с Юга. Когда не знаешь точно, надо либо молчать и разводить руками, а это для правителя недопустимо, либо твердо и с горящим взором указывать на того, на кого надо направлять ярость масс. Любой теракт нужно использовать в своих интересах.

Он пробормотал:

– Значит, Юг...

– В перспективе, – заверил я. – А пока будем разбираться с оппозицией. На границах беспокойно, да и наши территории еще не совсем лояльны. А до того, как начнем заниматься ими, сперва вычистим!

– Территории?

– Лестницу!

Он сказал послушно:

– Да, конечно. Я помогу Эйцу, а то наш бравый охранитель уже охрип, спеша все убрать до прихода гостей... Но все-таки, чего нам ждать?

Я проговорил с неуверенностью:

– Подождем до обеда.

– А потом?

Я сказал уклончиво:

– Пока могу сказать только, что вот такое вторжение невозможно повторить в ближайшие дни. Если это делал один маг, то копил силы всю жизнь и сейчас лежит в прощании.

– В чем-чем?

Я махнул рукой.

– В коричневом, если перевести с ученого языка.

– А если не один?

– Для второго раза соберутся нескоро.

Он помолчал, спросил тихо:

– Откуда сведения?

Я с многозначительным видом указал пальцем наверх.

– Оттуда.

Он проследил за моим пальцем.

– От Фрица? Да он вообще спит на дежурстве!

– Господь никогда не спит, – ответил я строго, – что бы ни говорили о нем недоброжелатели.

Он охнул.

– Ваше высочество! Вы уже говорите напрямую с Богом?

Я огрызнулся:

– Я всегда с ним говорил! Я паладин, забыли, барон?

– Простите, ваше высочество, – ответил он смиренно. – Думаю, не один я это уже забыл.

Я сказал свирепо:

– Ничего, я напомним! Так отпаладиню, долго вспоминать будете.

Глава 11

Я зашел в служебный зал, даже залюбовался: церемониймейстер не суетится и не бегаёт в панике, перед ним в почитительно строгих позах гофмейстер и гофмейстерина, а он нечто внушает им важно и значительно. Во дворце постоянно что-то да меняется, надо все учитывать и реагировать, дабы не уронить достоинство их сюзерена, а с ним и королевства.

Все трое склонились в поклоне, строгие и одинаковые. Я движением пальцев поманил церемониймейстера и отошел с ним в сторону. Он двигался рядом предельно синхронный, учтивый, прямой, внимательный, ни словом ни жестом не выказывая никаких чувств, кроме предельной почительности благородного человека к еще более благородному.

Отойдя подальше, чтобы не слышал даже барон Альбрехт, я спросил тихо:

– Когда появляется та... ну, как ее, что открывает проход в Зал Древних Королей?

Он спросил с тем же неподвижным лицом:

– Великая Жрица?

– Да-да, – сказал я нетерпеливо, – Жрица, у которой передние конечности какие-то красные, будто в коросте.

– В огне? – переспросил он. – В неистовом жарком пламени? Это верховная Жрица Хранилища, ваше высочество.

Я буркнул:

– Странно, как ее инквизиция просмотрела.

– У нее нет храма, – пояснил он. – А появляется она из ниоткуда всего один раз в году.

– Мне с ней надо кое-что перетереть, – сказал я в нетерпении. – А на самом деле ее храм где?

Он даже отшатнулся.

– Ваше высочество!

– А что не так? – спросил я сварливо. – Я сюзерен, я должен знать. Знание – сила и власть.

– Никто не знает, – повторил он так, словно гордился, что никто, даже он не знает. – Я же говорю, появляется по своей воле раз в год всегда в одно и то же время.

– Из ниоткуда? – спросил я. – Так не бывает.

– Может, – ответил он, – и откуда-то. Но мы этого не видим.

Я сказал веско:

– Если всегда в одно и то же время, то появляется не по своей воле, а по кем-то из мужчин заданному распорядку. Разве жрица не женщина? А еще не родилось такой, чтобы не опаздывала, не забывала, не перепутывала.

– Она не забывает, ваше высочество.

– Ничего, – сказал я твердо, – наведем порядок. Будет забывать и будет опаздывать, как и положено. Нечего вносить беспорядки в мир! А так вообще-то оставим только жриц совсем другой профессии.

Он произнес с каменным лицом:

– Ваше высочество, вы ведь не случайно пришли с таким вопросом?

Я насторожился.

– А что?

– Да так, – сказал он. – Помните, я говорил однажды, что вы когда-то сядете на Трон Первого Короля? Наверное, время пришло?

– Нет, – отрезал я.

– Но вы явились в особое время, – проговорил он медленно. – Она будет именно сегодня. И то, что вы тоже заговорили об этом, означает...

– Что?

– Возможно, – произнес он высокопарно, – ваши звезды сошлись в небе. И настал ваш небесный час!

– Ага, – сказал я, – настал, так настал. В прошлый раз она приходила вроде бы сразу после обеда?

– Точно, – сказал он. – Помните же! Это не случайно.

– Я все помню, – огрызнулся я и добавил уже с угрозой: – Все-все!.. И что не нужно. Потому голова дерьмом и забита, ибо его в жизни больше. Хорошо, приду после обеда.

Убрали, вычистили и навели блеск достаточно быстро, а трупы передали нашим алхимикам, пусть с монахами-цистерианцами постараются понять, что за существа и что на них за странные доспехи и почему такая непонятная одежда.

После обеда за мной увязался барон Альбрехт, выяснял, сколько человек выделить на охрану бухты, раз уж я готовлюсь отправить такую массу вооруженных до зубов орлов из Сен-Мари в северные королевства, а обратно они не прибегут так быстро, коли грянет нужда.

Церемониймейстер уже ждал в зале, просиял, увидев меня, поклонился.

– Ваше высочество! Я уже испугался, что вдруг опоздаете!.. Тогда целый год ждать.

– Я не женщина, – отрезал я высокомерно.

– Но Жрица тоже не опаздывает.

– Она не женщина!

– Простите, ваше высочество... а кто?

– Функция, – объяснил я. – Вообще любая женщина – функция. Обычно проверяющая главного героя на прочность... Но я не поддамся, как уже сказал.

– Но Трон Древних Королей...

– Я тот зал хочу сделать открытым, – сообщил я, – ради его архитектурной ценности. Пусть ходят экскурсии... придворных, дабы узреть красоты стен.

– Стен?

– Ну да, – ответил я. – Там же есть что-то на стенах? Или нет? Тогда на потолке. Да это и неважно, дураки всегда найдут, чем восторгаться. Есть особенные, даже египетскими пирамидами восторгаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.